

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА

1793

НИКЛАС НАТТ-О-ДАГ

Никлас Натт-о-Даг

1793. История одного убийства

«РИПОЛ Классик»

2011

Натт-о-Даг Н.

1793. История одного убийства / Н. Натт-о-Даг — «РИПОЛ Классик», 2011

ISBN 978-5-386-12196-9

Лучший дебют 2017 по версии Шведской академии детективных писателей.

Эта захватывающая, остроумная и невероятно красивая книга о темных временах жизни Стокгольма с лихо закрученным криминальным сюжетом и подробно описанным на основе исторических документов городским бытом XIII века прославила начинающего автора, потомка древнего дворянского рода Никласа Натт-о-Дага. Его книгу сравнивают с "Парфюмером" Патрика Зюскинда и романами Милорада Павича. "1793" стал бестселлером в Швеции, а через неделю после первой публикации - и во всем мире. Более лютой зимы, чем в 1793 году, в Стокгольме не бывало. Спустя четыре года после штурма Бастилии во Франции и более чем через год после смерти короля Густава III в Швеции паранойя и заговоры населяют улицы города. Животный ужас, растворенный в воздухе, закрадывается в каждый грязный закоулок, когда в воде находят обезображенное тело, а расследование вскрывает самые жуткие подробности потаенной жизни шведской элиты.

ISBN 978-5-386-12196-9

© Натт-о-Даг Н., 2011

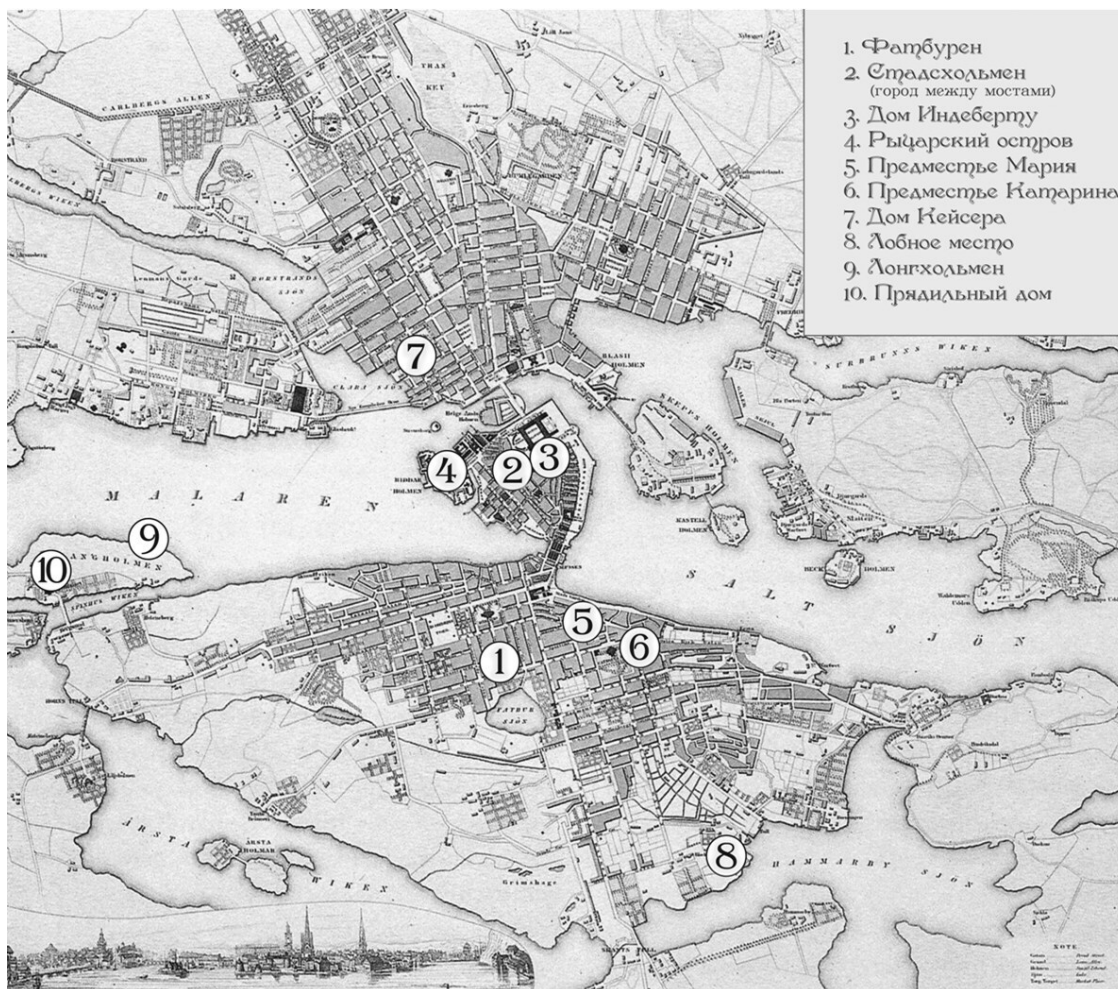
© РИПОЛ Классик, 2011

Содержание

Часть первая	6
1	7
2	11
3	16
4	22
5	25
6	28
7	32
8	35
9	39
10	43
11	46
12	50
13	53
14	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Никлас Натт-о-Даг 1793

Коварство порождает коварство, насилие порождает насилие.
Тумас Турильд, 1793

Карта Стокгольма

Часть первая Призрак дома Индебету

Осень 1793

Большой страх пришел. Тысяча слухов множатся, один другого нелепее, и разобраться возможности нет. Рассказчикам несть числа, но мнится мне, все они отчасти поэты. Если верить упомянутым рассказам, свирепость злодейства превосходит все, доселе нами ведомое.

Карл Густаф аф Леопольд, 1793

Микель Кардель лежал на доске в ледяной воде. Юхан Йельм не шевелился, в углах рта скопилась розовая пена. И Кардель упустил Юхана – волна вырвала скользкий от крови и соленой воды воротник из его руки, и Йельм пошел ко дну. Микель закричал, но из глотки вырвался только слабый стон. Он опустил голову в воду, проследил путь друга в бездну, и ему показалось, что там, в глубине, где бессильно зрение, угадывается иной, недоступный человеку мир. Искалеченные тела моряков медленно опускаются к вратам преисподней, ангелы смерти принимают их под черные крылья, а черепа их щелкают челюстями в припадке издевательского хохота.

1

– Микель! Микель Кардель! Пальты!¹

Сначала тихо, потом все громче, громче... Его имя точно всплыло из глубины, взбаламутив омут сознания. Он сделал попытку разлепить глаза. Левый открылся сразу, а правое веко пришлось поднимать усилием брови, подпертой указательным пальцем. Боль в отсутствующей руке обязательно даст о себе знать. Но не сразу. Вместо левой руки – выточенное искусным столяром деревянное подобие, буковый протез. Даже пальцы есть. Культя покоится в выдолбленном по размеру углублении и удерживается на локте кожаными ремнями. Сколько раз зарекался – развязать или хотя бы ослабить ремни перед выпивкой, тогда бы не натерло культю до крови.

Первое, что он увидел, – грязные, в жирных пятнах доски стола. Попытался поднять голову и удивился: голова не поднималась. Щека прилипла к столешнице. С усилием выпрямился, лишившись при этом парика. Выругался, отодрал парик от липкой жижи, вытер им лицо и сунул за пазуху. Шляпа валяется на полу, тулья сплющена – видно, кто-то наступил. Микель поднял шляпу, выправил тычком кулака и натянул по самые уши.

Постепенно начали связываться обрывки памяти. Ну да, трактир «Гамбург». Напился до бесчувствия и так и уснул за столом. Преодолевая головную боль, огляделся – остальные не лучше. Хозяин не выбросил их в канаву только потому, что сохранил кое-какую надежду: а вдруг расплатятся за выпитое? Валяются на полу и на лавках, ждут утра, когда можно будет двинуться домой и принять на себя град упреков и ругательств.

Карделю все равно. Он калека, живет один и располагает своим временем, как захочет.

– Микель, ты должен пойти с нами! Там утопленник! Там, в Фатбурене², утопленник!

Двое. Беспризорники. Физиономии знакомые, только имена вспомнить не может. У них за спиной – Багген, жирный хозяйкин кавалер. Краснорожий и заспанный. Встал между детьми и главным сокровищем погребка, собранием гравированных стеклянных кружек, хранимом под замком в синем шкафу. Кроме замка, есть еще и засов.

Здесь, в кабачке «Гамбург», по пути к виселице в Скан-стуле, осужденным на смерть позволяют выпить в последний раз в жизни. После чего на кружке алмазом процарапывают имя висельника и отправляют в синий шкаф.

Посетители могут выпить из такой кружки, но за отдельную плату и под наблюдением. Плата зависит от известности преступника. Почему-то считается, что это приносит счастье. Кардель никогда не мог понять, почему.

*

Он протер глаза – как песком засыпаны. И в ту же секунду понял: он все еще пьян.

– Какого черта?! – хотел спросить Микель, но вышло что-то вроде «ова чёта». Голос не слушался, язык словно прилип к наждачному нёбу.

Ребята переглянулись. Ответила девочка. Наверняка старшая сестра – очень уж похожи. Только и разницы, что у мальчишки заячья губа. Мальчугана окатила волна перегара, он сморщил нос и спрятался за спиной сестры.

¹ *Пальты* – род полиции нравов, в чью обязанность входило не допускать открытой проституции на улицах Стокгольма. Другое название – сепарат-стража. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² *Фатбурен* – в Средние века – озеро в центре Сёдермальма, впоследствии осушено.

– Там мертвец в воде, прямо у берега...

В ее ломком голосе – странная смесь страха и возбуждения.

Малейшее усилие привести в порядок мысли – и Микелю показалось, что у него сейчас лопнут вены на лбу. Сердце колотится так, что, наверное, на улице слышно.

– А мне-то какое дело?

– Ну пожалуйста, Микель, там нет никого, а мы же знали, где тебя искать.

Кардель, спотыкаясь, спустился с крыльца «Гамбурга» и пошел за детьми, вполуха слушая рассказ про одичавшего вола, собравшегося было напиться из Фатбурена, но испугавшегося и убежавшего в сторону Танто.

– Он его мордой, пошевелил, мордой...

– Утопленника... – вставил мальчик.

– Ну да... А тот как начал вертеться!

– Утопленник, значит...

Ближе к озеру мостовая закончилась, и они зашагали по раскисшей глине. Кардель давно не был в этих краях. Ничего не изменилось. Уже много лет городские власти собирались очистить берег, построить причалы и мостки, но все планы словно уходили в песок. Даже не в песок, а в эту мокрую, скользкую, вечную глину. Удивляться нечему – и город, и все королевство балансировало на грани катастрофы. Кому и знать, как не ему. Кардель, как и многие другие, постоянно искал приработки, брался за любую работу – мизерного годового жалованья даже на жратву не хватит.

На месте немногочисленных усадеб по берегам появились мануфактуры. Отходы, недолго думая, сваливали прямо в озеро – предназначенная для мусора выгородка, обнесенная дощатым забором, давным-давно переполнена.

Нога поехала по скользкой глине, оставив за собой широкий след. Он нелепо взмахнул единственной рукой, пытаясь удержать равновесие, смачно выругался, но все же устоял.

– Небось протухшей подружки испугался, вол-то ваш. Или свиного хребта. Мясники, сволочи, все в озеро валят. Нечего было будить.

– Мы лицо видели в воде, – наперебой закричали дети. – Он у самого берега лежал! Человеческое!

У кромки воды бледно светилась неопрятная пена. Дети правы – что-то там плавает в нескольких метрах от берега. Что-то темное. Вряд ли человек – слишком маленький.

– Я же говорил – с бойни.

– Он у самого берега лежал, отнесло, наверное... Лицо было видно!

Девочка продолжала настаивать, а мальчик молча кивал чуть не на каждое ее слово.

Кардель фыкнул:

– Я пьян. Поняли? В соплю пьян. В зюю. Лучше вспомните, какую взбучку получили от того сепарата, которого вы заманили искупаться в Фатбурене...

Он, чертыхаясь, долго снимал одной рукой кафтан. Забытый за пазухой парик упал в грязь. Ну и черт с ним. Купил эту дрянь за несколько рундстюкке³. Мода на парики уже отходила, и носил он его, только чтобы выглядеть подостойнее, – больше шансов, что кто-то пригласит ветерана войны на стаканчик-другой.

Кардель поднял голову – над Орста-фьордом все небо усеяно серебряными гвоздиками звезд. Наверное, дело идет к полуночи. Он закрыл глаза, чтобы не потерять внезапно посетившее ощущение красоты мира, шагнул в воду – и погрузился в жидкий ил чуть не по колено. В сапог хлынула ледяная осенняя вода. С усилием выдернул ногу, чтобы не упасть, и двинулся вперед. Сапог остался на дне.

³ Рундстюкке – мелкая медная монета.

Вода тяжелая, дурно пахнет, вокруг плавают полно какой-то дряни, которую выбрасывают даже обитатели сёдермальмских трущоб, а им-то вроде бы и выбрасывать нечего – нищие как церковные мыши.

Дно ушло из-под ног. Резкая боль внизу живота – судорога холода и паники. Эта лужа глубже, чем он рассчитывал. Судорога *паники*... и едва ли не более болезненная судорога *памяти*. Второе Роченсальмское сражение, разгромленный шведский флот, неотвратимый ужас смертельных водоворотов, гибнущие друзья...

Кардель обхватил тело, как спасательный буй. Поначалу показалось, что он был прав, – это не человек. Видно, помощники мясника потихоньку выбросили протухшую тушу в озеро, а скопившиеся гнилостные газы вытолкнули ее на поверхность. Но он перевернул тело и оказался лицом к лицу с утопленником.

Черты хорошо различимы, хотя глаза налиты мутным студнем, словно повернуты внутрь. Разбитые губы, ни одного зуба. Волосы... ночь и грязная вода Фатбурена сделали все, чтобы изменить их цвет, но несомненно светлые. Густые.

Кардель судорожно вдохнул и захлебнулся.

Откашлявшись, лег на спину и лежал немного, держась за жуткий поплавок и вглядываясь в изуродованное лицо утопленника. Потом оттолкнулся ногами и двинулся к берегу.

Дети молча ждали. Даже отступили на несколько шагов, словно опасались, что их постигнет та же участь.

Вытащить тело на берег оказалось не так легко. Кардель ухватился за остатки куртки и, упираясь ногами, выволок труп на берег. Дети даже не думали помогать – наоборот, отошли подальше и зажали носы.

Кардель долго отплеывался – вода в Фатбурене тошнотворная.

– Бегите на Слюссен за сосисками!⁴

Ребята стояли как вкопанные, не в силах отвести взгляд от мрачного улова.

Кардель набрал полную горсть грязи и швырнул в детей.

– Бегите, сучьи дети... кому сказано! Там ночная стража... хоть одного пальца приведите, черт бы их всех подрал!

Он проводил взглядом мелькающие ножки, посмотрел на утопленника, и его вырвало.

Над озером повисла давящая тишина. Пронзило чувство одиночества, словно гигантская ледяная рука стиснула грудь. Он несколько раз глубоко вдохнул, но воздуха все равно не хватало. Тяжелые, все ускоряющиеся удары пульса отдавались в шее. Ему стало очень страшно. Он знал, что за этим последует. Появится, словно соткавшись из мрака, отсутствующая рука. Она у него есть, вернулась и болит, словно ее грызет свирепый зверь с железными челюстями, и отчаянный рев этой боли заглушает живые звуки мира.

Он лихорадочно сдирает ремни, швыряет деревянную руку в грязь. Сжимает культию правой рукой, мнет уродливый обрубок – не может она так болеть, эта рука! Ее у меня нет! И раны давно зажили...

И как всегда – приступ короток, не более минуты. Несколько судорожных вдохов, дыхание постепенно восстанавливается, страх тает, мир обретает очертания.

Эти припадки преследуют его уже давно. Три года – с тех пор как его списали на сушу. Он потерял руку и друга. Казалось, средство избавиться от кошмаров найдено. Перегонное вино и драки... Но, оказывается, и этого мало.

Кардель огляделся – никого. Только он и изуродованный труп.

Прижал обрубок к груди и сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, словно оплакивал покойного младенца.

⁴ *Сосиска* – прозвище полицейских.

Он не знал, сколько прошло времени. Одежда намокла, но Микель не замечал холода – согревал еще не выветрившийся спирт.

Наконец явились стражники. Двое. В таких же, как у него, синих камзолах и белых лосинах; мушкеты с примкнутыми штыками. Судя по походке, оба пьяны – дело обычное, хоть и наказуемое. С одним Микель не раз встречался и знал по имени. Полунищая стража охотно, как и он сам, топила горе в вине, а кабаков на Сёдере не так много. К полуночи стражники уже на ногах не держатся.

– А... Микель Кардель! Решил искупаться в городском нужнике на ночь глядя? Или проглотил бриллиант и сблевал в воду ненароком? А может, какая шлюха тут заблудилась? – Стражник демонстративно зажал нос.

– Заткнись, Сольберг. От меня, может, и воняет, но не меньше, чем от тебя. Я сивуху не пью. Посмотри сам... и прополощи рот, прежде чем будить капрала.

Кардель с трудом поднялся, расправил затекшую спину и показал на утопленника.

Калле Сольберг подошел поближе и отшатнулся.

– О дьявол...

– Вот именно. Один пусть останется здесь, а другой чешет к дворцу и волочет сюда констебля.

Кардель снял куртку и завернул в нее деревянный протез. Собрался было уходить – и тут же вспомнил про сапог на дне озера. Положил сверток, чертыхнулся и на подкашивающихся ногах двинулся по собственным следам в озеро. Не торопясь, стараясь сохранять достоинство. Сапог нашелся быстро. Он с трудом выдернул его из ледяной, злобно чавкнувшей жижи.

Стражники кинули жребий. Повезло Сольбергу – тот уже карабкался по склону. Бежать до королевского дворца не близко, но все же лучше, чем сидеть на пустынном берегу и караулить полусгнивший труп. До утра еще далеко.

А Кардель отправился к своему кузену – у того был колодец. Можно отмыться, а если тот не спит, не грех и пропустить стаканчик.

2

На секретере – аккуратно расчерченный на клетки лист бумаги. Сесил Винге положил рядом карманные часы, снял цепочку и пододвинул восковую свечу. Отвертки, пинцет, щипчики – все на месте. Растопырил пальцы – никаких признаков дрожи.

Очень осторожно, пинцетом вытащил удерживающий стрелки шплинт, снял и положил каждую в свою клеточку на бумаге: часовую – справа, минутную – слева. Снял циферблат, посмотрел на внутренности... ответственный момент. Иногда бывает очень трудно вытащить хитрый механизм из гнезда. Минимальное усилие. Медленно, одну за другой, снял шестеренки и положил каждую в свою клетку. Вынул пружину – освободившись из плена, она рывком распрямилась и легла в стороне безвольной спиралью, будто и не приводила только что в действие весь искусный механизм. В клетке пружина не уместилась, пришлось пристроить рядом.

Остался анкерный механизм. Отвертка, не толще швейной иглы, постепенно выманила крошечные винтики из их убежищ.

Часы разобраны, но о неумолимом ходе времени напоминают церковные колокола. Большой колокол в церкви Святой Элеоноры бьет каждые полчаса, а с холма на балтийском берегу доносится слабое эхо колоколов Святой Катарины.

Теперь все то же самое, только в обратном порядке. Десятки крошечных деталей, и у каждой свое место. Только не торопиться... Тонкие пальцы то и дело сводит судорога. Приходится прерываться, сжимать и разжимать кулак, потирать руки. Сидит он неудобно, боль в тазобедренном суставе то и дело стреляет в позвоночник.

Наконец, стрелки на месте. Он закрепляет их на оси крошечным шплинчиком и заводит часы. Поворот ключа – и они тут же начинают исправно тикать. И та же мысль, наверное, в сотый раз с прошлого лета: именно так должен быть устроен мир. Рационально и умно. У каждого зубчатого колесика свое место, и результат их совместного движения ярок и понятен: часы показывают время.

Чувство умиротворения покидает его, как только часы заведены. Мир обретает форму, и форма эта не приносит ему утешения. Он кладет пальцы на левое запястье и считает пульс, глядя, как секундная стрелка завершает оборот на циферблате с именем мастера: Бюрлинг, Стокгольм. Сто сорок ударов в минуту. Отверточки и щипчики сложены в футляры, но его одолевает искушение повторить все с самого начала: разобрать и собрать. Но нет. В доме пахнет едой, и служанка скребется в дверь – пора к столу.

На столе – большая супница с синим узором. Хозяин, канатных дел мастер Улуф Роселиус, склоняет голову, быстро бормочет молитву, берется за крышку супницы – и с руганью отпускает. Трясет обожженными пальцами.

Служанка бросается к нему с полотенцем и чашей холодной воды. Запах пареной репы и вареного мяса постепенно разглаживает морщины недовольства на лбу хозяина.

Сесил Винге делает вид, что не заметил происшествия, смотрит на колеблющееся пламя восковых свечей, вдумчиво изучает игру теней на потемневшей от времени дубовой столешнице.

Канатчику за семьдесят, годы выбелили волосы и бороду. Роселиуса знают в городе, он справедливый и щедрый человек. Устроил приют для бедных при церкви Святой Элеоноры. Состояние его когда-то было достаточно велико, позволяло купить усадьбу графа Спенса на краю Ладугордсландета. Но старость Роселиуса отравлена неудачным коммерческим альянсом с соседом Экманом, счетоводом из финансовой коллегии. Покупка лесопилки в Вестерботтене обернулась серьезными финансовыми потерями. Винге догадывался, что Роселиус чувствует себя оскорбленным, – вот что он получил за годы щедрой благотворительности. И сумрачное настроение хозяина передается остальным, будто под потолком висит свинцовая грозовая туча.

Винге неловко: он снимает комнату у Роселиуса. Роселиус вынужден сдавать жилье, чтобы свести концы с концами. Каждый постоялец – невольное напоминание о нелегком положении хозяина, а сегодня Роселиус мрачнее обычного: каждую ложку супа сопровождает горестный вздох. Ест молча и, когда на дне тарелки остается совсем немного, откладывает ложку в сторону и прокашливается.

– Глупо давать советы молодым... никогда не знаешь, на что нарвешься. И все же Сесил... будь так добр и выслушай. Не буду ходить вокруг да около, ты и сам знаешь: я желаю тебе только добра.

Он опять глубоко вздыхает, показывает, как нелегко ему начать этот разговор.

– Это против природы, Сесил. Муж должен быть рядом с женой. Разве не давал ты клятву верности? «В радости и в горе...» Возвращайся к жене, Сесил.

Кровь бросилась в голову – и Винге тут же постарался взять себя в руки. Человек не должен позволять чувствам руководить разумом. Глубокий вдох. Глухие удары крови в ушах, будто где-то выбивают ковер. Но время идет – надо что-то ответить.

Годы нисколько не притупили ум и хватку Роселиуса, хватку, которая когда-то сделала его старейшиной цеха канатных мастеров. Винге едва ли не слышит, как сменяют друг друга мысли за его нахмуренным лбом.

Старик вздохнул, откинулся на стуле и поднял руки с открытыми ладонями – жест примирения.

– Мы немало соли с тобой съели, Сесил. Ты умен, что да, то да. Этого у тебя не отнять. Книжки читаешь. Да и не злодей какой-нибудь, уж я-то тебя знаю. Но тебя ослепили все эти новомодные идеи. Думаешь, все можно решить умом? Ну нет. Ошибаешься. Чувства с разумом не идут в одной упряжке. Возвращайся к жене, Сесил. Вам обоим будет лучше. Обидел – попроси прощения, и делу конец.

– Ей так лучше. Я все взвесил и продумал, – сказал Сесил Винге, и сам услышал, как неубедительно прозвучали его слова. Словно ребенок оправдывается.

– Сесил... чего бы ты ни хотел достичь, результат будет – ровно наоборот.

Винге никак не мог унять дрожь в руках; даже ложку положил на стол, чтобы не привлекать внимания. Голос совершенно не слушался.

– Так сложилось. – Он неожиданно охрип.

Роселиус помолчал, потом заговорил, и тон был почти ласковый:

– Я видел ее сегодня на рыбном рынке. Она ждет ребенка. Живот уже не скрыть.

Сесил поерзал на стуле и в первый раз за все время разговора посмотрел канатчику в глаза:

– Она была одна?

Роселиус кивнул и потянулся рукой – хотел по-отцовски положить ее на предплечье. Сесил отдернул руку – и удивился. Инстинкт опередил мысль.

Он зажмурился. Еще раз – взять себя в руки. Представил себя в своей внутренней библиотеке, где выстроились ряды невидимых книг в ничем не нарушаемом покое. Мысленно снял с полки томик Овидия и прочитал: *Omnia mutantur, nihil in herit*. Все меняется, ничто не исчезает бесследно. Что еще нужно знать для душевного равновесия?

Сесил открыл глаза. Взгляд спокоен и непроницаем. С усилием унял дрожь в руках, положил ложку в тарелку и встал.

– Благодарю за суп и заботу, но все же ужинать отныне буду в своей комнате.

И пошел к двери, провожаемый горьким напутствием канатных дел мастера:

– Если человек думает одно, а действительность говорит другое, значит, мысль неправильна. Тебе ли это не понять? Тебе, с твоим классическим образованием?

Винге не ответил. Он уже отошел от стола настолько, что можно сделать вид, будто не слышит.

Вышел в прихожую на непослушных ногах и поднялся по лестнице в комнату, которую снимал у канатчика еще с начала лета. Опять одышка – остановился, оперся рукой о косяк и подождал, пока успокоится дыхание.

За окном – двор усадьбы. Солнце уже село. Смутные тени фруктовых деревьев на склоне, за ними угадывается море. Огни на Корабельном острове: моряки торопятся завершить дневную работу. На темном небе – громоздкий силуэт церкви Святой Катарины.

Сесил открыл окно и с наслаждением подставил все еще горящее лицо вечернему бризу. Каждое утро город словно делает глубокий вдох, а к вечеру выдыхает – ветер меняет направление и начинает дуть в сторону моря. Куркан, старинная мельница, медленно и натужно вертит крыльями, словно хочет сбросить ременный шкив, укрощающий ее природную страсть к вращению. А чуть дальше, у горизонта, ее сестры отвечают на том же языке – долой эти узы, дайте нам вертеть нашими крыльями, мы хотим улететь.

Становилось прохладно. Сесил закрыл окно и посмотрел в зеркало. Ему нет еще и тридцати. Черные волосы, схваченные на затылке лентой, странно контрастируют с бледной физиономией. Шея замотана шарфом.

Уже не различить, где кончается горизонт и начинается быстро потемневшее небо. Появились первые звезды. Мир устроен скверно: слишком много мрака и слишком мало света. Краем глаза он различил мгновенный, как моргание, прочерк упавшей звезды. В детстве ему говорили: если успеешь в этот миг загадать желание, оно непременно сбудется. Сесил смеялся над суевериями, но сейчас... кто знает, может, и правда. Только успевай загадать...

Винге надолго задумался. Он не знал, сколько времени так просидел – час или два. Сидел, пока боковым зрением не заметил: во дворе что-то происходит.

Фонарь. Кто-то помахивает фонарем на липовой аллее. Винге никого не ждал, да и хозяин, насколько ему известно, тоже. Странно.

Он надел плащ и спустился во двор. Оказывается, двое: служанка Роселиуса с фонарем, а рядом с ней какой-то недоросток. Согнулся, уперся руками в колени и пытается отдышаться.

Служанка сунула фонарь Сесилу.

– К вам, господин. Я бы такого и на порог не пустила.

Повернулась и ушла размашистым шагом, укоризненно качая головой, – мир совсем обезумел.

Винге пригляделся – мальчишка. Сопливый и грязный, лет двенадцать-тринадцать. Голос еще не ломался.

– И что?..

– Это вы и есть Винге, который ходит в Инбетку?

– Полицейское управление размещается не в Инбетке, а в доме Индебету. Что касается меня, то да, я и в самом деле Сесил Винге.

Мальчишка подозрительно посмотрел на него из-под спутанной челки.

– Они там, на Дворцовом взвозе, обещали заплатить, кто добежит быстрее. Так я первый... чуть не помер. В боку колет и во рту как бы кровь. Вспотел весь, а на улице... сами небось знаете, как спать на улице в октябре в мокрой одежде. Дали бы кругляш⁵ на разживу.

Сказал и замер, будто удивился собственной наглости. Винге посмотрел на него оценивающе.

– Ты же сказал, за тобой другие прибегут. Могу и подождать немного.

Мальчуган скрипнул зубами, проклиная собственную дурость. Винге слегка улыбнулся, открыл кошелек, достал монету и покрутил между большим и указательным пальцами.

⁵ *Кругляш* – так в народе называли монету рундстюкке.

– Повезло тебе, что на меня нарвался. Я не стану ждать твоих соперников. Терпение не входит в число моих достоинств.

Скороход облегченно засмеялся, показав дырку во рту, оставшуюся от двух выбитых зубов.

– Полицеймейстер хочет вас видеть. Сказал – немедленно. У себя дома, в Кузнечном переулке.

Винге кивнул и протянул ему монету. Мальчишка боязливо, словно ожидая подвоха, подошел, выхватил кругляш и пустился бежать. Одним прыжком перескочил низкий каменный забор, чуть не зацепившись ногой.

– На хлеб, а не на водку! – крикнул Винге вдогонку.

Мальчишка вместо ответа спустил штаны и звонко похлопал себя по голому зад.

– Еще пару таких поручений – и выбирать не надо: хватит и на то, и на другое!

И с победоносным смехом пустился бежать, на ходу натягивая штаны.

Ночь поглотила вестника, а Винге опять почему-то вспомнил про упавшую звезду и никак не мог сообразить: успел он загадать желание или нет?

Уже несколько месяцев полицеймейстеру Юхану Густаву Норлину обещали служебную квартиру, но пока ничего не дали. Он так и жил с семьей в старой квартире, в трех кварталах от биржи.

Винге поднялся по лестнице на третий этаж и остановился отдышаться.

Уже далеко за полночь. Квартира небольшая. Ясно, что ни одному ночному посетителю не удастся поговорить с хозяином, не перебудив при этом все семейство. Не удалось и Винге – едва он позвонил, где-то в соседней комнате заплакал ребенок и послышался голос укачивающей его матери.

Норлин встретил его в прихожей, без парика, в форменном кафтане, надетом на ночную рубаху.

– Сесил... спасибо, что так быстро отозвался.

Винге молча кивнул.

Они прошли в гостиную. Норлин показал на стул у изразцовой печи.

– Катарина поставила кофе, думаю, скоро закипит.

Полицеймейстер сел напротив и прокашлялся. Ему было явно неудобно, что он вытащил Винге из постели в столь поздний час.

– Труп нашли, Сесил. В Фатбурене, на Сёдермальме. Какие-то сорванцы заметили и угоризили пьяного инвалида выволочь его из воды. Состояние тела... Парень, который мне рассказывал, десять лет в страже, много чего насмотрелся. Его не удивишь. Но когда он начал описывать утопленника, согнулся вдвое и еле удержался, чтобы не оставить свой ужин у меня на ковре.

– А может, и не от этого. Насколько я знаю ночную стражу, перегонным они вовсе не брезгуют. Не перепил ли? А может, приснилось?

Норлин даже не улыбнулся. Винге устало потер глаза.

– Юхан Густав, ты обещал, что последнее дело, когда ты просил меня помочь, будет и впрямь *последним*. Не забыл? Я работал на вас весь год, самое время заняться и своими делами.

Норлин, ни слова не говоря, встал, вышел из комнаты и вернулся с булькающим медным кофейником.

– Моя благодарность не знает границ, – серьезно сказал он. – Я не могу вспомнить ни единого случая, когда твой вклад не превзошел бы все мои ожидания. Благодаря тебе наши показатели с зимы улучшились настолько, что всем ясно – ты оказал нам огромную услугу, и не одну. Но, положи руку на сердце, Сесил: разве я тоже со своей стороны?.. – Он попытался встретиться с Винге взглядом, но попытка не удалась: тот отвел глаза. Норлин вздохнул

и поставил кофейник на стол. – Когда-то мы были молодыми, Сесил... Молодыми и нахальными, старались поскорее сделать себе имя в судах. Ты всегда был идеалистом, стоял на своем, чего бы тебе это ни стоило. А я... Жизнь подрезала мне крылья. Я умел идти на компромиссы, поэтому и стал полицеймейстером. А сегодня я тебя спрашиваю: часто ли мы сталкивались с серьезными преступлениями? Неграмотный фальшивомонетчик... еще кто-то жену убил и даже не озаботился молоток отмыть от крови. Пьяные дебоширы. Нет... на этот раз – что-то другое. Мы такого никогда не видели, ни ты, ни я. Если бы был кто-то еще, кому я могу довериться, – но такого нет. Среди нас живет настоящий монстр, Сесил, и он на свободе. Тело перенесли в церковь Святой Марии. Очень прошу тебя: последняя услуга. Больше никогда не буду тебя беспокоить.

Винге наградил Норлина таким пронзительным взглядом, что теперь отводить глаза пришлось полицейскому начальнику.

3

Кардель спустился с Мельничной горы, остановился и выплюнул коричневую табачную жижу. Успел привести себя в порядок: вымылся в колодце у родственника, попросил займы чистую рубаху. За известковой белизной домов, сливающихся с белесыми испарениями с Гульфьорда⁶, виден Город между мостами с примыкающим к нему Рыцарским островом – смутный темный колосс с редкими, загадочно подмигивающими огоньками.

Не успел он покинуть предместье, наткнулся на прохожего с изрытым оспой лицом и полицейским серебряным жетоном на цепочке. Тот, судя по всему, направлялся к Полхем-шлюзу⁷.

– Ты не знаешь, куда делся утопленник из Фатбурена? Меня зовут Кардель, это я его вытащил несколько часов назад.

– Слышал, слышал. Ты ведь из сепаратов, да? Ну так его пока отнесли в морг при Святой Марии. Дьявольщина какая-то... Хуже в жизни не видел. А я-то думал... думал, вытащил – и ладно, твоя работа закончена, а ты вон чего... да ладно, теперь знаешь, где искать. А я в Индебету, надо доложить до рассвета.

*

Кардель, то и дело скользя на размокшей от обильной осенней росы глине, спустился по склону к каменной церковной ограде. Церковь Марии – инвалид, как и он. В год его рождения случайная искра из пекарни обернулась огненным inferно и превратила в пепел двадцать кварталов. Шпиль Тессина провалился сквозь потолочные своды и пока еще не восстановлен, хотя прошло больше тридцати лет.

Кардель нашел калитку и оказался на погосте. Поежился – как всегда на кладбище, показалось, что покойники наблюдают за ним исподтишка. Стряхнул наваждение – и вздрогнул: тишину нарушил странный звук, будто где-то под землей лает собака. Он не сразу понял, что это, но тут же заметил тень на поляне между церковными соснами и горсткой неказистых строений. Там стоял человек и натужно кашлял в платок.

Кардель остановился в нерешительности. Что делать дальше? Неизвестный поборол кашель, сплюнул и повернулся. На фоне освещенного окна в лачуге могильщика виден только силуэт, в то время как сам Кардель как на ладони.

– Так это... вы ... вы нашли утопленника, Кардель? – задышливый поначалу голос под конец фразы обрел звучность.

Кардель молча кивнул – выжидал, к чему клонит неожиданный собеседник.

– В полиции наверняка не спросили... но Кардель... это же не полное имя?

Кардель снял мокрую шляпу и слегка поклонился:

– Жан Мишель Кардель, если вам угодно. Спасибо папаше, насулил имечко. Увидел новорожденного, и на тебе – взбрело в башку. Курам на смех. Можете звать меня Микель.

– Скромность – важная добродетель. – Судя по голосу, незнакомец улыбнулся. – Ваш папаша, как я полагаю, об этом не знал.

Он отошел в сторону от окна, и Кардель наконец разглядел его лицо.

– Меня зовут Сесил Винге.

⁶ Гульфьорд – ныне переименован в Риддарфьорд.

⁷ Полхем-шлюз – шлюз между Балтийским морем и озером Меларен, просуществовал до середины XIX века, когда был построен новый шлюз (Слюссен).

Кардель быстро окинул собеседника взглядом. Намного моложе, чем могло показаться по голосу. Одет достойно, хотя и старомодно. Черный, узкий в талии плащ с высоким воротником на подкладке из конского волоса, неброская вышивка на жилете. Бархатные штаны, схваченные у коленей. На шею намотан белый шарф. Длинные черные волосы завязаны на затылке темной, скорее всего красной, лентой. Кожа настолько белая, что чуть не светится в темноте.

Тонкокостный, невероятно худой – в чем только душа держится? Прямая ему противоположность – таких, как Кардель, на стокгольмских улицах, как салаки в неводе. Бывшие солдаты, чью молодость похитили войны и нужда, преждевременно износившиеся, но еще крепкие люди. Сам-то он, должно быть, вдвое шире в плечах, чем эта былинка в образе человека. У него-то, Карделя, лопаются на груди рубаха, ноги, как бревна, пудовые кулачищи... теперь, правда, кулак один, на оставшейся руке. Уши, разможенные в драках, свернулись в затвердевшие, как камень, складки.

У Карделя возникло чувство, что Винге, хоть и смотрит в глаза, видит его целиком – от кончиков волос до пальцев ног. Он инстинктивно повернулся, скрывая протез, и смущенно кашлянул. Надо было как-то прервать гнетущее молчание:

– Я встретил констебля неподалеку. Господин Винге тоже из дома Индебету? Вы из полиции?

– И да, и нет. Я не из полиции, но меня послал полицеймейстер. А вы, Жан Мишель? Что вы делаете ночью на кладбище? Мне кажется, вы сделали для утопленника все, что могли.

Кардель пожевал несуществующий табак, чтобы выиграть время.

– Кошель пропал. Может, зацепился за труп. Не так-то там и много, но все-таки... ночной прогулки стоит.

– Я пришел осмотреть тело, – сказал Винге, помедлив. – К сожалению, его уже обмыли. Хотел поговорить с могильщиком... Следуйте за мной, Жан Мишель, посмотрим, не найдется ли ваш кошелек.

Могильщик ответил на стук в окно не сразу. Старый, маленький, кривоногий, с намечающимся горбом и легко узнаваемым немецким выговором.

– Господин Винге?

– Да, это я.

– А я Дитер Швальбе. Пришли, значит, на покойничка поглядеть? Что ж... это можно. Глядите на здоровье. Только уж до утра управьтесь, утром его отпоют и закопают.

– Покажите дорогу.

– И дорогу покажу, а как же...

Швальбе вернулся в комнату, запалил от свечи лучину и зажег два фонаря. На столе сидел откормленный кот и причесывался только что вылизанной лапой. Могильщик протянул один фонарь Карделю, закрыл за собой дверь и, хромая, двинулся по тропинке. Только знаком показал – идите, мол, за мной.

Они перешли двор. Могильщик остановился у невысокого каменного строения с облезлой штукатуркой и, прежде чем войти, прикрыл рот, неожиданно мяукнул и тут же пояснил:

– Крысы. Лучше я их напугаю, чем они меня.

Вдоль стен чего только нет: лопаты, ломы, доски для гробов – новые и бывшие в употреблении, осколки надгробных плит, лопнувших от морозов. Тело утопленника – на скамье, завернуто в тонкую ткань. В морге, несмотря на прохладу, царил легко узнаваемый запах смерти.

Могильщик, не оборачиваясь, показал на крюк в стене. Кардель понял, повесил на крюк фонарь и посмотрел на могильщика – что делать дальше? Тот молчал. Наклонил голову, переминался с ноги на ногу и молчал. Ему было явно не по себе.

– Что еще? – нетерпеливо спросил Винге. – У нас не так много времени.

Швальбе уставился в земляной пол.

– Мы, могильщики, много чего знаем... что другим неведомо. Любой скажет. Кто всю жизнь могилы копает, тот знает. У мертвеца, ясное дело, голоса нет, но... есть и другие способы. Этот-то, кто лежит здесь, – очень зол. Вот-вот стены начнет крошить от ярости.

Суеверие-то оно, конечно, суеверием, но Карделю стало страшно. Хотел было осенить себя знаменем, но поглядел на Винге и воздержался. Тот скептически посмотрел на Швальбе.

– Главное свойство мертвеца – отсутствие жизни. Сознание покидает тело. В каком мире оно сейчас находится – не могу сказать. Надеюсь, что в лучшем, чем тот, что покинуло. То, что осталось, – мертвое тело. Мертвое тело не чувствует ни жары, ни холода, ни солнца, ни дождя. Вряд ли мы доставим ему какие-то неприятности.

Швальбе промолчал, но по тому, как поморщилось его лицо, заметно было: ответ его не удовлетворил. И уходить он не собирался.

– Нельзя хоронить человека без имени. Только привидения плодить. Пока не узнаете, как его звали, нареките хоть как-то.

Винге задумался. Наверняка ищет способ побыстрее избавиться от назойливого могильщика.

– Ну что ж... и нам будет удобнее, если мы дадим ему имя. Ваши предложения, Жан Мишель?

Кардель не ожидал вопроса и промолчал, собираясь с мыслями.

Могильщик осторожно прокашлялся.

– По обычаю... может, дадим имя короля?

– Густав? – Кардель словно выплюнул имя. – Ну нет. Этот бедолага и так настрадался.

– Тогда кто-то из ваших Карлов? Двенадцать штук, на выбор. На вашем языке *карл* означает мужчина, если не ошибаюсь. Любому мужику подойдет.

– Карл? – Винге повернулся к Карделю.

– Карл?

Близость смерти гальванизировала память. Безжизненное тело Юхана Йельма, погибшего друга...

– Да, – сказал Кардель. – Карл. Карл Юхан.

Швальбе осклабился, показав почерневшие остатки зубов.

– Хорошо! С этим пожелаю господам удачной ночи. Может, узнаете что... Господин Винге, господин...

– Кардель.

Швальбе кивнул, пошел к выходу, бросил через плечо:

– ...и господин Карл Юхан. – И удалился, всхрюкивая от смеха и вполголоса повторяя: «Господин Карл Юхан, надо же... Карл Юхан, господи ты боже мой».

Винге и Кардель остались одни.

Винге откинул покрывало. Открылся обрубок ноги, не больше чем две ладони от паха. Он внимательно изучил его и повернулся к Карделю:

– Подойдите поближе. Расскажите, что видите.

Кардель поежился. Почему-то зрелище показалось ему очень страшным. Даже трудно поверить, что такой обрубок может принадлежать человеческому существу. Он отвернулся.

– А что я вижу? Нога отрезана... что о ней скажешь?

Винге молча кивнул. В этом молчании было что-то, от чего Кардель почувствовал себя дураком, и это его разозлило. Да что ж это за ночь такая, кончится она когда-нибудь или нет?

– Насколько я понимаю, у Жана Мишеля тоже не хватает одной руки, – сказал Винге, по-прежнему пристально глядя ему в глаза.

Вот это да! А Кардель-то всегда считал, что ему удастся скрывать свою инвалидность. Потратил на упражнения больше часов, чем сам мог сосчитать. Со стороны искусно выточен-

ная из светлого бука кисть почти не отличается от живой. К тому же он научился ловко прятать ее за бедром. Если не махать руками, никто не замечает, что у него нет руки, а уж ночью – и подавно.

Он неохотно кивнул – что ж отрицать, если тот заметил. Да, одной руки не хватает.

– Примите мои соболезнования.

Кардель насмешливо фыркнул:

– Я сюда не за соболезнованиями пришел, а за потерянным кошельком с деньгами.

– Судя по тому отвращению, с каким вы произнесли имя славного короля Густава, рука потеряна на войне?

Кардель мрачно кивнул. Он никак не мог понять, говорит ли Винге серьезно, или издевается.

– Я к тому, что ваши знания касательно ампутаций куда богаче моих. Не будете ли вы так добры посмотреть еще раз, поближе?

На этот раз Кардель посмотрел внимательнее. Служанки обмыли тело довольно небрежно, кое-где остались налипшие грязь и тина. Он поднял голову – ответ казался ему очевидным.

– Это не свежая рана. Зажившая.

– Вот именно. – Винге одобрительно кивнул. – Зажившая. Когда мы видим тело в таком состоянии, надо решать вопрос: явились ли эти повреждения причиной смерти, либо преступник решил расчленив труп, чтобы легче от него избавиться. Но... я не удивлюсь, если мы найдем все четыре культи.

Они взялись за концы тонкого покрывала, по знаку Винге подняли, свернули пополам и положили ткань на пол. В нос ударил тяжелый, сладковатый трупный запах. Винге закрыл нос платком, Кардель удовлетворился рукавом рубахи.

Ни рук, ни ног у Карла Юхана не было. Отрезаны настолько близко к телу, насколько позволили нож и пила. Глаз тоже нет: глазные яблоки вырваны из глазниц. Истощен до предела: ребра выпирают, между ними глубокие провалы. Вздутый гниlostными газами живот не скрывает торчащие острые гребни подвздошных костей. Узкая, почти детская грудь. Единственное, что напоминает о жившем когда-то молодом человеке, – волосы, тщательно вымытые церковными служанками и добровольными помощницами. Роскошные золотистые волосы.

Винге снял фонарь с крюка и медленно обошел тело, то и дело поднося фонарь поближе и всматриваясь в детали.

– На войне, смею предположить, Жан Мишель видел немало утопленников?

Кардель кивнул. Все происходящее было ему настолько непривычно, что от волнения развязался язык:

– Еще бы... Не поверите: все вернулись к осени. Утопленники то есть. Море вернуло. Мы их нашли на берегу, под стенами Сведборга. Нас, тех, кто еще не горел в лихорадке, послали их собирать. Ну, скажу вам... треска и крабы уже сожрали все, что могли. А часто они шевелились, звуки издавали... спятить можно от страха. А это угри... выползают и в море... не с большой охотой выползают, скажу я вам, нажрались от пуза. Еле двигаются.

– Похоже на Карла Юхана?

– Те-то? Никакого сходства. Но те, кого быстро вынули, – да, похожи. Мы старались подбирать своих сразу, как бой стихнет... ну, час, ну, другой, как они утопли. Думаю, Карл Юхан недолго пролежал в Фатбурене. На часы надо считать. Вечером, скорее всего, бросили. Как стемнело.

Винге задумался.

– А скажите мне, Жан Мишель, рука ваша – она долго заживала?

Кардель помедлил, прежде чем ответить.

– Ладно, – сказал он. – Раз такие подробности... Давайте попробуем.

Он протянул руку с протезом. Винге помог ему закатать рукав, пока не обнажились ременные крепления, удерживающие протез у локтя. Кардель привычно развязал ремни и передал Винге деревянную руку.

– Вы когда-нибудь видели, как людей режут? – спросил он.

– Никогда. Живых – никогда. Был в анатомическом театре, там хирурги вскрывали мертвое тело. Женщина. В учебных целях.

– Ну, мой-то случай вряд ли подойдет для учебников. Боцман сразу стянул руку под локтем шкотом. Вроде как жгут наложил, кровь остановить. Перестарался маленько – пока до фельдшера добрались, уже антонов огонь пошел. Почернела рука-то. Поначалу всего два пальца размозжило, а тут пришлось почти у локтя резать. Дальше, значит... привязали меня цепями к столу, чтобы не дергался, фельдшеру не мешал. У них цепи такие специальные, в кожаных чехлах. То, что помягче, – ножом режут, а кость пилой. Кому повезло – в того спиртное вливают, пока не сквасится... а мне – нет. Мне не повезло. То ли у них самогон закончился, то ли спешка. Большие-то сосуды надо быстро зажимать, пока режешь. А у них зажимы все время соскользали, кровь хлестала, аж все стены забрызгало. И других тоже резали рядом – та же история. Фонтаны крови. Я посмотрел – на соседних столах все белые как алебастр. То есть они из меня чуть не всю кровь выпустили. Тут, значит, вот что главное: они кожу разрезают кругом и, как чулок, закатывают к локтю. А кость пилят уже повыше. Им, значит, лоскут кожи надо сохранить, культю зашить. Потом кожу опускают, закрывают рану и шьют прямо по живому. Вот, посмотрите... полумесяцем. И сейчас еще пятна красные видны, где иглу втыкали. А дальше – молись. Не повезет – антонов огонь, опять резать. А повезет, заживет. Жди, пока новая рука вырастет.

Он усмехнулся и подмигнул Винге, но тот даже не улыбнулся.

– Если я правильно понял, вы видели все фазы... – Он запнулся и поправился: – Все стадии... все этапы заживления раны. Куда более подробно, чем я мог бы вам пожелать. Поэтому я сохраняю надежду, что вы можете сделать попытку датировать... определить: когда примерно отрезаны конечности у Карла Юхана? Сколько времени прошло?

– Дайте фонарь.

Теперь настала очередь Карделя сделать церемониальный обход лавки с покойником. Нос зажать нечем – в единственной руке фонарь, поэтому он постарался дышать ртом и выдыхать как можно сильнее.

– Тут, значит, вот что... Мне кажется, сначала отрезали правую руку. Потом левую ногу, левую руку и правую ногу. В таком, я думаю, порядке. Правая рука... если на бедняге заживало, как на мне, – самое меньшее, три месяца. А правая нога... месяц, скорее всего. Культя зажила этак за месяц до последнего заплыва.

– Значит, ему отрезали ноги и руки по очереди... Перевязывали, ждали, когда более или менее заживет, и приступали к следующей. Зубов нет, языка тоже. Если судить по заживлению ран, пытка началась примерно в конце весны и закончилась пару недель назад. Смерть наступила... точно сказать нельзя. Он мертв уже несколько дней.

У Карделя волосы встали дыбом от нарисованной Винге картины.

– Да... – повторил тот. – Смерть наступила несколько дней назад, и, думаю, к его большому облегчению.

Он собрался было накинуть покрывало на обезображенное тело, но остановился и потер ткань между большим и указательным пальцами.

– Спасибо за помощь, Жан Мишель. Но должен вас огорчить – вы переоценили таланты покойника по части карманных краж. Ваш кошелек висит у вас на поясе под камзолом. Как будто бы и незаметно, но, когда вы нагнулись с фонарем, он проявился вполне недвусмысленно. Да вы и так это знали... Похмелье – дело, разумеется, серьезное, но даже серьезное похмелье не может держаться так долго. Скоро утро.

Кардель проклял себя за неосторожность – надо же, этот тип поймал его на вранье! Он разозлился. Полное хладнокровие и даже равнодушие Винге показалось ему оскорбительным – ему, который насмотрелся на покойников куда больше, чем того хотелось бы.

Он сплюнул через плечо.

– Вы жуткий тип, господин Сесил Винге. Нечему удивляться, что вы так наслаждаетесь обществом мертвецов. И знаете... чересчур уж вы тощий. Скелетам вашим любимым, что ли, подражаете? Я бы на вашем месте проводил больше времени за обеденным столом, чем в покойницкой.

Винге не обратил внимание на грубость.

– Я здесь оказался не из любви к покойникам. Причину называть не буду. Но позвольте спросить: вы хотите мне помочь? Хотите ли вы, чтобы этот несчастный был отмщен и похоронен в освященной земле? У меня есть определенные возможности в полицейском мире. Я был бы очень благодарен за помощь, которая, само собой, будет оплачена.

Винге замолчал и посмотрел на Карделя. В колеблющемся свете фонаря глаза его казались огромными, и то ли пламя отразилось в них так причудливо, то ли и в самом деле зажегся огонек, которого он раньше не замечал. Уж не дьявол ли, собственной персоной? Кардель даже немного испугался. Только сейчас сообразил, насколько он устал.

– Вам не надо торопиться с ответом, – продолжил Винге, словно и не заметив его растерянности. – Сейчас я иду в дом Индебету послушать утреннюю сводку. Констебль наверняка подготовил рапорт. Ответственность за расследование ложится на городского прокурора, а он как раз сейчас занят другим делом, попроще, которое к тому же сулит гораздо больше славы. Но, разумеется, обязанности свои он выполнит. Вся полиция будет поставлена на ноги, квартальные получают команду опросить жителей, и так далее и тому подобное. У меня мало надежды, что такая тактика даст результат. Это изуродованное тело закопают как раз здесь, в северной части погоста. Без имени. И никто о нем и не вспомнит. Полицеймейстер попросил меня сделать все, что в моих силах. Но, боюсь, сил моих недостаточно.

Ну нет – Карделя вывести из себя трудно, но, если вывели, успокоить еще труднее. Он повернулся и пошел к выходу.

– Если все же захотите мне помочь, Жан Мишель Кардель, разыщите меня, – крикнул Винге вдогонку. – Я снимаю комнату у Роселиуса, известного канатчика, спросите бывшую усадьбу графа Спенса.

4

В доме Индебету на самом верху Дворцового взвоза, где разместилось полицейское управление, неразбериха с самого утра. Как, впрочем, и в любой другой день.

Винге потер глаза, стараясь не проникаться к себе сожалением по поводу бессонной ночи. Если повезет, можно найти кофейник с несколькими каплями еще не остывшего кофе.

Полно народу – люди входят, выходят, кто-то топчется у стены, дожидается приема. Бравые полицейские все еще не привыкли к новому зданию, а главное – к новому полицеймейстеру. Ничто еще не утряслось, еще не протоптаны удобные тропы из одного кабинета в другой.

Еще года не прошло, как полиция переехала в дом Индебету. Гуляли недобрые сплетни – дескать, переселились из обжитого и намоленного здания на Садовой только потому, что бывшему хозяину удалось добиться аудиенции у умирающего короля Густава. Он вышел оттуда, потрясая купчей с почти неузнаваемой подписью монарха: двадцать пять тысяч риксдалеров за уже много лет пустовавшее, обшарпанное, продуваемое всеми ветрами строение. Летом жарко, зимой холодно.

Дом странно асимметричен, словно наклонен в сторону холма. С одной стороны – Большая церковь, с другой – еще не вывезенные руины Боллхюсета, где когда-то двор развлекался игрой в мяч.

В рассветном сумраке трудно отличить знакомые лица. Винге с отвращением заметил, как Тойхлер и Нюстедт, даже в полиции славящиеся своей жестокостью, волокут какого-то бедолагу в порванной рубашке. Разбитые губы и синяки на физиономии свидетельствуют, что несчастный только что признал свою вину. Попавшийся навстречу секретарь Блум тоже обратил внимание на эту сцену и возвел взгляд к небу – что, мол, с ними поделаешь? Прошло уже два десятилетия, как указом короля подобные методы допроса запрещены, но Тойхлер и Нюстедт указа, очевидно, не заметили. Они из другого времени.

Попадались и знакомые, но они, завидев Винге, опускали глаза и проходили мимо, будто не замечали; какое там – не замечали: он спиной чувствовал на себе их взгляды.

Он поднялся по лестнице и с удивлением отметил, что герб бывшего полицеймейстера все еще висит на стене. Никто не озаботился заменить или хотя бы снять – еще один признак всеобщей растерянности, царящей в полицейском хозяйстве после убийства Густава Третьего.

В полицейском управлении все еще раздавалось эхо выстрела Анкарстрёма на бале-маскараде, хотя прошло уже почти два года. Здесь то и дело вспоминали тревожное время, когда раненый король лежал на смертном одре и боролся с приближающей смертью.

Предшественник Норлина, Нильс Хенрик Ашан Лильенспарре, которому король доверял безгранично, выстроил полицейскую систему с фундамента и сам же ей управлял почти три десятилетия. Он был как раз из первых, кто постарался использовать смену власти: регент при несовершеннолетнем принце, недалекий и слабовольный герцог Карл, брат короля, стал марионеткой в его руках.

Но излишний аппетит привел Лильенспарре к катастрофе. Место министра, которое он предназначал для себя самого, занял барон Ройтерхольм. Барон отправил Лильенспарре управлять поселениями в Померании, а место полицеймейстера занял юрист Юхан Густав Норлин – назначение, в котором барон, по слухам, уже раскаивался. И, как и многие проницательные люди, Винге понимал причину сомнений: Норлин – неподкупный и справедливый человек.

На третьем этаже в коридоре выставлены стулья, которые уже при жизни короля начали называть «густавианскими» – гнутые, с мягкой полосатой обивкой. Винге несколько раз сжал

и разжал кулаки – безнадежная попытка согреть заledenевшие пальцы. От холодного влажного воздуха першило в горле, и он старался не дышать глубоко, чтобы не закашляться.

Пришлось ждать еще с четверть часа, укрываясь от сквозняков из незаклеенных окон. Наконец дверь кабинета Норлина открылась, и предыдущий посетитель, договаривая что-то через плечо, вышел в коридор.

Как и во всем здании, в кабинете полицеймейстера царил форменный беспорядок. Красивый резной стол почти не виден под покосившимися, готовыми вот-вот обрушиться кипами бумаг. Полицеймейстер стоял у окна и почесывал за ухом довольно мурлычущего кота. Они с Винге почти ровесники, но за последний год Норлин сильно постарел и выглядит намного старше своих тридцати. Ворот форменного мундира натирает кожу, он то и дело тянется почесать шею, но рука останавливается на полпути и возвращается к коту. Норлин проследил за взглядом Винге и улыбнулся:

– Единственное существо в этом доме, кто сохраняет здравый смысл. К тому же умеет расставлять приоритеты.

Он осторожно спихнул кота на пол и встал спиной к окну. Кот сдавленно мявкнул и недовольно поглядел на хозяина.

– Ну что? Доволен осмотром?

– Ты помнишь, я сказал, что стражнику могло привидеться по пьяному делу? Я невольно оскорбил его недоверием. Преступление и в самом деле крайне необычное.

– Кроме твоей известной проницательности, есть еще одна причина, почему я попросил заняться этим делом именно тебя, Сесил. Ты формально не принадлежишь нашему корпусу и можешь работать, не поднимая шума. Ройтерхольм с меня глаз не сводит, его бесит, когда я занимаюсь полицейской работой. Ему нужно, чтобы мы вводили всё новые цензурные ограничения, а не очищали город от разной швали. Вот, посмотри... – Норлин поднял со стола конверт со сломанной сургучной печатью. – Письмо, подписанное Густавом Адольфом Ройтерхольмом. Требуется отчет, почему не сдвигается с места расследование злостных слухов, будто он, барон Ройтерхольм, пытался отравить кронпринца. А также и других сплетен... неутолимая жажда власти якобы сделала барона импотентом, и он в связи с этим предается разного рода извращениям. «Терпение мое не безгранично...» Терпение его, видите ли, не безгранично. Требуется полного отчета: какие меры приняты и каковы успехи.

– Пошлешь отчет?

– Воздержусь. Само собой, никаких мер я не принимал. Барон не в себе. Ройтерхольм – типичный деспот. Ни друзей, ни семьи... он себя просто-напросто не видит. Живет без зеркала. Слушает только льстецов. Пытается уговорить гадалку Арвидссон поговорить от его имени с покойниками. Тщеславен, вспыльчив и злопамятен. Кстати, покойный король Густав со временем тоже стал таким. Страх революции и предательства – зараза. Поражает любого, чья задница оказывается поблизости от трона. А на троне – и подавно. Ты же помнишь, его королевское величество приказал моему предшественнику набрать целую гвардию умников, чтобы докладывали ему обо всех сплетнях и, не дай бог, заговорах. Я не говорю, что в народе нет недовольных. Недовольные есть; только наши умники ищут их не в том месте. Короля Густава в последние годы преследовали кошмары французской революции, и доблестные шпионы подслушивали в кофейнях и кабаках: а не расплодились ли вредные идеи в народе аж до Лапландии? Вместо того чтобы прислушаться, что говорят при дворе, под самым его носом...

– Норлин широким жестом показал на стол. – По мере сил я не обращал внимание на сплетни, которыми меня заваливал Лильенспарре. Но представь: по-прежнему продолжаю получать доносы под расписку. Неопишуемая бессмыслица! Некий Эдман доносит, что некий Нильссон пел в кабаке в Стренгнесе переведенную на шведский «Марсельезу». Кавалерист, подозреваемый в мужеложстве, якобы сделал комплимент известному смутьяну Юлину: похвалил заколку

для галстука. Кульмер и Огрен явились в церковь в длинных штанах, Карлен прячет Турильда⁸ под подушкой... Чужь собачья. Но Лильенспарре придавал этой белиберде большое значение... старый болван. Знаешь, как называли министра? *Сучонок*.

Винге выбрал из вороха один лист, посмотрел без всякого интереса и положил на место. Норлин сорвал с себя парик, бросил на стол и начал яростно чесать голову.

– Ходят слухи, что Ройтерхольм уже ищет мне замену.

– Кого прочат?

– Как будто Магнуса Ульхольма. Думаю, ты хорошо знаешь это имя.

– А ты знаешь, сколько тебе осталось?

– Нет. Но когда барон решил закрыть на что-то глаза, то этого чего-то вроде бы уже и не существует. И мне не надо тебе говорить, что Ульхольм не даст завершить это следствие. Так что поторопись, Сесил. Дело спешное.

Бессонная ночь давала о себе знать. Перед глазами плясали размытые светляки усталости. Винге потерял веки.

– Я последний, кому ты должен напоминать о спешке.

Наконец Норлин догадался предложить ему стул. Приоткрыл дверь и приказал кому-то в коридоре принести кофе. Или просто крикнул в пустоту, надеясь, что его услышат. На всякий случай грозно повторил приказ и уселся рядом с Винге.

– Итак, вернемся к нашему утопленнику. Есть надежда раскрыть преступление?

– У меня есть причины считать, что тело бросили в воду буквально за несколько часов до того, как храбрый стражник его выловил. Скорее всего, в тот же вечер. Надо искать свидетелей. Тех, кто был в этом квартале после наступления темноты.

– Скорее всего, безнадежное предприятие. И все?

– Нет, не все... На утопленнике не было никакой одежды, но его завернули в кусок ткани... странная ткань, я никогда такой не видел. По виду – очень дорогая. Слишком дорогая для таких целей. Надо спросить у торговцев мануфактурой. Вполне возможно, они знают, что это за товар.

Винге не поручился бы, что Норлин расслышал последние слова: он погрузился в глубокую задумчивость и только медленно кивал в такт рассуждениям Сесила.

– Действуй очень тихо, прошу тебя. И не только из-за Ройтерхольма. Вряд ли я должен тебе напоминать, что недовольство в народе тлеет все сильнее. Совсем недавно чернь собралась на Дворцовом взвозе. Требовали крови – и все из-за того, что какой-то хлыщ из дворян поцарапал горожанина шпагой. Преступления такого рода требуют особой осторожности при расследовании. Сделай одолжение.

В дверь постучали, и вошла служанка. На оловянном подносе – кофейник и чашки. Норлин разлил кофе, и Винге с наслаждением принял к чашке с живительным напитком. Кот, нимало не смущаясь высоким чином хозяина, прыгнул к Норлину на колени.

– Извини, Сесил, в этом, наверное, есть и моя вина... но выглядишь ты ужасно.

⁸ *Турильд Тумас* (1759–1808) – шведский поэт-сентименталист. После смерти короля Густава III Турильд издал брошюру «Честность» (*Ärligheten*), за которую в 1793 году был приговорен к четырехлетнему изгнанию.

5

Кабак называется странно: «Гиблое место». На стенах – многолетний слой жирной копоти, но роспись, как ни странно, легко различима: пляска смерти. Крестьяне и горожане, дворяне и пасторы несутся в бешеном танце под звуки скрипки, на которой наявливает ухмыляющийся скелет. Днем посетителей немного – не каждому нравится такое откровенное напоминание о неизбежной бренности бытия. Но к вечеру винные пары берут свое, кабак заполняется, и никто уже не смотрит на проступающую под сажей роспись. Кабатчика Йедду много раз уговаривали замазать мрачный сюжет.

– Спятили, что ли? – шипел он. – Это же не кто-нибудь, это сам Хофбру!⁹ Шедевр!

Кардель терпеть не может эту чертовщину. Особенно теперь, когда он пообещал Йедде не напиваться до бесчувствия. Тем более он на работе: должен разнимать драки и выбрасывать из кабака дебоширов. Вышибала. За каждого укрощенного бузотера – отдельная плата. Почему не подработать? Сидит за столиком у лестницы и все время поглядывает на стену: кажется, пустые глазницы костлявого скрипача уставились именно на него.

Он поежился и отправил в рот чуть не полную горсть табака.

Его не оставляло предчувствие, что нынешняя ночь ничем хорошим не кончится. Народ возбужден, в тесноте то и дело вспыхивают потасовки. В его обязанности входит разнимать драчунов, что почти никогда не удается. Приходится брать буяна за шиворот так, что каблуки отделяются от пола, и вышвыривать на улицу.

В кабак ввалилась компания подвыпивших матросов. Хохочут, распевают во все горло непристойные песни, хвастают сломанными целками.

Теперь Кардель точно знает: ничем хорошим это не кончится. Молодые парни, пьяные и бесшабашные. Нельзя сказать, что они ему не нравятся, – сам был таким. Но сейчас он наблюдает за ними из своего угла, как волк за разыгравшимися зайцами. Все равно придется ими заняться. Вопрос времени.

Не прошло и получаса, как опасения подтвердились. Кто-то из гостей наступил на шнурок собственного ботинка, споткнулся и вылил полную кружку пива на спину одного из матросов. В мгновение ока несчастного взгромоздили на стол, заставили снять башмаки и плясать. Пока он плясал, матросы подняли скрипучий стол, начали его раскачивать и гоготали, глядя на неуклюжие попытки бедняги сохранить равновесие. Один из них норовил попасть кончиком ножа между пальцев ног плясуна.

Кардель поймал взгляд Йедды. Тому, конечно, плевать на пролитое пиво и потасовку – пусть хоть в фарш друг друга перемелют, но мебель стоит денег.

Он понял. Закрепил ремни на протезе.

Война научила Карделя: никакой доблести в драке нет. Есть сила и везение. Но все же есть и ритуал, которого он обязан придерживаться. Положить руку на плечо, успокаивающий жест. Мимическая дипломатия. Соблюдайте порядок заведения, ребята.

Кто-то заорал ему в ухо – убирайся к дьяволу! Другой плюнул в лицо. Сердце забилося, как барабан. Но Кардель овладел собой, опустил плечи, как бы признавая свое поражение, исподлобья посмотрел на презрительно ухмыляющуюся физиономию.

Матросы даже не поняли, что произошло. Левая рука взвилась в воздух, и деревянная ладонь мгновенно погасила торжествующую ухмылку. Брызнул кровавый каскад выбитых зубов. Еще удар, еще. Хруст перебитого носа, ребер... каждый удар отзывается невыносимой болью в культе, и эта боль словно подкидывает дрова в топку ярости.

⁹ Хофбру Петер Лоренс (1710–1759) – известный шведский художник и декоратор.

Матросы бросились бежать. Последний, обливаясь слезами, полз на четвереньках. Кардель пнул его в зад и отвернулся. Несчастный плясун так и не слез со стола: стоял с улыбкой от уха до уха и хлопал в ладоши.

Благодарность не знает границ. Бедняга заказывает кувшин рейнского и поднимает тост за тостом – все до одного за своего спасителя. Ну что ж... Кардель со своей стороны решает, что баталия исчерпана и ничего дурного не предвидится, – свидетели слишком напуганы варварской расправой одного инвалида с пятью здоровенными матросами. Наверняка до закрытия все будет спокойно. От места побоища к дубовой бочке, исполняющей роль стола, тянутся темные пятна свернувшейся крови.

Драка – пожалуй, единственное, что дает ему ощущение полноты жизни. Пока еще он сам хозяин своей судьбы. Он даже ищет повода, чтобы подраться, – победа, конечно, приносит утешение, но недолгое. С годами все меньше и меньше. Он уже слишком стар для драк. Истинное утешение – вино.

Спасенный называет свое имя: Исак Райнхольд Блум.

– Я поэт... скальд. К вашим услугам... – Блум заметил, что Кардель недоуменно поднял бровь и торопливо добавил: – Герой! *Против пяти – один, отнюдь не трусил он и братьев победил, их кровью окроплен!* – почти не задумываясь, произнес Блум и торжествующе глянул на Карделя.

– Положим, не такие уж они мне братья. И вы зарабатываете этим на жизнь?

Блум скривил рот, набил белую глиняную трубку и прикурил от свечи.

– Проклятие поэтов: все воображают себя критиками... Но нет, конечно. Стихами не зарабатываешь. По будням сижу в доме Индебету. В Министерстве полиции. Секретарь. Давно уже, с января месяца.

«*Разъясните меня, Жан Мишель*», – вспомнил Кардель.

– А вам известен человек по имени Сесил Винге?

Блум задумчиво посмотрел на него и выпустил изящное кольцо голубоватого дыма.

– Раз встретишь – не забудешь, – сказал он.

– А кто он такой, этот парень? Можете рассказать?

– Он стал появляться в управлении в начале года. С тех пор как Норлин занял место полицеймейстера. Какое-то у них соглашение, не знаю... Короче, Винге расследует изредка преступления. Вроде бы может делать все что хочет. В пределах разумного, понятно. Но он странный: какие-то преступления ему интересны, а другие – вовсе нет.

Теперь настала очередь Карделя задуматься. Трубка Блума начала хлюпать – докурил до самого дна. Он вытряс пепел на стол и набил очередную порцию табака.

– Так случилось, что мы вместе учили юриспруденцию в Упсале, хотя я на несколько лет старше. И компании у нас были разные. Он странный был... ходит, уткнув нос в своего Руссо, и ничего вокруг вроде бы не замечает. Но память, я вам скажу... такой памяти в жизни не видал. Прочитает один раз – и чешет наизусть, будто по книге читает. Может, у него что-то в голове повредилось из-за чтения. Тогда и начались его беды. Работаешь в суде – ну и работай! А он начал требовать, чтобы в обязательном порядке выслушивали показания обвиняемого... А что его выслушивать, обвиняемого? Ясное дело, скажет: ни в чем я не виноват. Поэтому все дела Винге тянулись до бесконечности. Тут еще вот что: хотя всем было известно, что, по его представлениям, судить можно с закрытыми глазами, все доказано и выложено по полочкам, даже малейших сомнений не остается... все замечательно, но мало кто одобрял. В судах ведь как: справедливость должна восторжествовать, да, разумеется, но – как можно быстрее. А Винге хоть кол на голове теши: если он в чем уверен, обязательно докажет, причем так, что не придерешься: безупречно. Логично, точно, ничто не упущено. Его и высмеивали, и ругали...

а с него как с гуся вода. А в этом году его пригласил Норлин. Винге – не человек. Машина. Ни единой ошибки. Люди есть люди: задумался, что-то забыл, чего-то не заметил. Но не Винге.

Блум так увлекся, что даже забыл про трубку, и она погасла. Он положил ее рядом с кучкой пепла на стол и пожал плечами:

– Что еще сказать? Конечно, красавцем его не назовешь. Или хотя бы симпатичным. Тут его Бог обидел... – Блум подумал и добавил: – В отличие от вас.

– Это верно... – Кардель усмехнулся бесстыжей лести. Бесстыжая лесть, конечно, самая действенная, но насчет Винге Блум прав. На редкость неприятная личность.

– Я видел его жену в прошлом году в опере. То есть я не знал, что она его жена, мне только потом фамилию сказали. Я поначалу не поверил. Потрясающая женщина, Кардель. Просто потрясающая! Красавица, добрая, обаятельная, приветливая, веселая... то есть все, чего в ее супруге и следа не найти. Наверняка женихи в очереди стояли. Понять невозможно. И надо же – ирония судьбы: не она его оставила, как можно было бы ожидать, а он ее...

Блум замолчал. Оживление погасло, как и его трубка. Он прислушался к многоголосому трактирному шуму. Старик в заплатанном кафтане вынул откуда-то простенькую деревянную флейту и заиграл тоскливую мелодию. Рядом на столе стояла миска для подаваний.

– Да-да, Кардель, именно так. И еще. Надо было бы с самого начала сказать, но, сами знаете, вино после пива... Сесил Винге умирает от чахотки. Он и так-то никогда здоровьем не мог похвалиться, а болезнь его окончательно доконала. Совсем отошел, тень одна осталась. Бледный, конечно, а так-то он скрывает, что болен. На людях старается не кашлять, а если закашляется, у него всегда носовой платок с собой... Заметьте: темный, на темном платке кровь не видна. Поговаривают, ушел от жены, потому что хотел избавить ее от зрелища страданий умирающего мужа. Уважаемые доктора в Серафимском лазарете сказали: месяц тебе остался. А было это в июне, так что, считайте, живет взаимы. Нельзя сказать, чтобы его не уважали, но за прозвищами у нас дело не станет. Призрак дома Индебету – так его называют в управлении. За спиной, конечно.

Позже, когда Блум попрощался и на непокорных ногах устремился в стокгольмскую ночь, кабатчик, погасив последние сальные свечи, положил руку Карделю на плечо:

– Я тебя нанял порядок поддерживать, а не устраивать тут побоище. Ты так всех клиентов распугаешь, Микель. Я больше не стану тебе платить.

А уже совсем ночью, когда часы давно пробили двенадцать, Микель Кардель проснулся в своей каморке от одышки, сердцебиения и невыносимой боли в левой руке, чье отсутствие сознание упрямо отказывалось признавать. Второй раз за два дня. Ни вино, ни драка облегчения не принесли.

6

Никто не знал, как называется его болезнь, пока она не зашла в такую стадию, когда улучшения ожидать не приходится. Только когда смерть стала неизбежной, ей дали имя: скоротечная чахотка.

Началось в прошлом году, весной. Легкое покашливание, которое не утихло само по себе, как обычно, а продолжалось неделями. Он и в детстве часто простужался и кашлял, так что и внимания не обратил. Потом начались ночные ознобы, а по утрам он просыпался на мокрых от пота простынях. К лету пришлось постоянно носить с собой большой носовой платок, которым он пытался задуть очередную приступ кашля, чтобы не привлекать внимания. В июне впервые обнаружил на искусно вышитом платке пятна крови. Появились одышка, покалывание в боку, как при непосильном беге. В груди словно поселился тяжелый и ленивый зверь, ворующий у него воздух.

Врач пощупал увеличенные железы на шее и покачал головой:

– Золотуха у взрослых – редкое явление. Даже очень редкое.

И прописал отвратительного вкуса отвар на корне красильной марены, гвоздике, сладком папоротнике и бадьяне. Полбутылки в день.

Никакого облегчения. Врач опять долго качал головой и протирал очки.

– Дренаж. Надо дать выход вредным телесным жидкостям.

Прожег поташем небольшую, не больше ногтя мизинца, дырочку в грудной клетке и сунул туда горошину, чтобы ранка не заживала. Через пару дней обильно потек гной.

– Вот и хорошо, – обрадовался врач. – Теперь дело пойдет на поправку.

Но никакого улучшения не последовало. Жгучая боль в ране не давала ему спать по ночам, он то мерз, то горел в лихорадке, то обливался потом. Жена всегда была рядом – промокала салфеткой лоб, вытирала полотенцем его исхудавшее тело.

– Это не пот, – грустно пошутил он. – Талая вода. Разве ты не замечаешь: я таю...

Она даже пела ему что-то вроде колыбельной, когда он метался без сна, измученный болью и одышкой.

Настала зима. Курсы лечения сменяли друг друга, не принося облегчения. Он сидел, согнувшись, над чашей с залитым уксусом мелом, пил непроцеженное молоко, дышал деревянным воздухом. По утрам просыпался в ознобе, и ничто не могло его согреть. На шее вздулись голубые вены, появились темные круги под постоянно налитыми кровью глазами. Кашель уже не удавалось остановить, с мокротой выделялись зловонные ошметки омертвевших легких. Пробовали отворять кровь – она тут же сворачивалась в синюшную корку: верный признак, что зараза еще не отступила.

Он уже не мог исполнять супружеские обязанности, не решался делить с женой постель. По ночам Мара¹⁰ сжимала грудь так, что казалось – всё, ребра не выдержат.

Месяц назад он принял решение: к врачам не обращаться. Любая попытка лечения оборачивалась ухудшением. Все, что он мог сделать, – призвать на помощь самодисциплину. Приучил себя не обращать внимания на постоянное першение в гортани и, самое главное, обнаружил важную вещь: единственное, что облегчает его состояние, – работа. Сосредоточенный труд не оставлял места для горьких мыслей, и тело послушно расслаблялось, старалось не мешать голове решать очередную задачу.

¹⁰ Мара – злой дух, демон в женском облике, который по ночам садится человеку на грудь и вызывает дурные сны.

По ночам, в тесной каморке у Роселиуса, он разбирает и вновь собирает карманные часы в неверном свете свечей. Снимает зубчатые колесики, сортирует, а потом ставит на место, тщательно зацепляя одно за другое. Завинчивает крошечные винтики и не устает удивляться чуду: из набора бессмысленных, хоть и красивых шестеренок возникает разумный механизм, бросающий вызов мирозданию. Исправное тиканье настойчиво доказывает: все на свете можно измерить, в том числе и такую малопонятную и неосязаемую материю, как время.

Винге ведет корабль своей жизни в последнюю гавань с помощью компаса, который указывал ему путь с юности. С помощью рассудка. Он уговаривает себя: ничего страшного, все люди рано или поздно умрут. Каждого можно считать неизлечимо больным, каждого подтачивает коварная болезнь, против которой нет лекарств. Название этой болезни – Время. Но по ночам, когда его бьет озноб, когда он просыпается мокрый, как после купания, уговоры не помогают. Его мучит и бесит не общий принцип «родился, жил, умер» – это аксиома, с которой можно примириться. Его бесит личная судьба, собственная мучительная смерть. Что будет дальше? Поразит ли болезнь суставы, кости, позвоночник, как это бывает при чахотке? Испустит ли он последний вздох во сне? Или в сознании, хватая ртом оставшиеся ему крохи воздуха и мучась от болей? Каких болей? Сумеет ли он достойно с ними справиться?

Иногда он уговаривает себя, что уже умер. Большая часть его организма перестала жить в тот день, когда он оставил жену. Но и это не помогает. Тому, что осталось, все равно нужен воздух для дыхания. И физическая боль, что бы там ни щебетали поэты, сплошь и рядом не уступает боли душевной.

Наступает вечер, и он одевается для вечернего выхода. Зеркало в комнате очень маленькое, чтобы увидеть себя хотя бы до пояса, надо отойти к противоположной стене. Вся его одежда на нем, другой нет. Остальное выбросил. Рубаху и длинные чулки он регулярно отдает в стирку – прислуга знает, когда приходить за бельем. Все остальное можно почистить щеткой. Ткань сюртука уже потерлась, и покрой не тот, не *à la mode*, как теперь говорят на французский лад. Он никогда не ставил одежду на службу тщеславию. Одевался точно так же, как и в годы, что служил в уездном суде. Стиль одежды определил одним словом: корректность. Абсолютное безразличие ко всему, что не относится к рассматриваемому делу.

Обмотал шею шарфом, завязал, повертел плечами, продевая руки в рукава сюртука. Достал из угла трость. Когда-то она служила украшением, но сейчас все чаще приходится пользоваться ею по прямому назначению: иной раз дыхание перехватывает так, что он боится упасть.

Осторожно, стараясь не шуметь, спустился по лестнице – не хотел встречаться ни с кем из обитателей дома Роселиуса.

Спустился к морю, прикрыв рот платком, – незачем дышать ночной сыростью. Найти лодочника труда не составило, и тот за пару кругляшей перевез его в Город между мостами¹¹. Ночью особенно хорошо слышно, как с южной стороны острова бурлит Стрёммен¹², но здесь море совершенно спокойно. Тишину нарушают только плеск воды под веслами и натужный скрип старых деревянных уключин.

Лодочник поминутно оглядывается, пытаясь найти проход в лабиринте кораблей на рейде у Корабельного моста. То и дело складывает весла вдоль бортов и, тихо ругаясь, отталкивается руками от толстенных, до звона натянутых якорных канатов. Терпко и приятно пахнет смолой, но есть и другие запахи: ром, кофе, корица, табак.

¹¹ В XVIII веке городом считался только сравнительно небольшой остров Стадсхольмен, соединенный мостами с южным (Сёдермальм) и северным (Норрмальм) предместьями. Там были расположены королевский дворец и большинство государственных учреждений. Сейчас эта часть Стокгольма носит название Гамла Стан («Старый город»).

¹² Стрёммен – пролив между Балтийским морем и озером Меларен, из-за перепада высот перегороденный шлюзом.

Через полчаса Винге расплатился и вышел на берег, опираясь на подставленную руку лодочника. Отсюда до Баггенсгатан – пять минут неторопливой ходьбы.

Баггенсгатан – улица борделей. Четыре этажа – четыре борделя. Следующий дом – три. Бордели в борделях, бордели под борделями и над борделями. Отовсюду слышны непристойные песни, прославляющие интимные достоинства Венеры и ее жриц. Некоторые, как и Винге, закрывают лица платками – наверняка женатые.

Хозяйка, унаследовавшая заведение от блаженной памяти капитана Альстрёма, приветствует его почти незаметным кивком. Лицо ее непроницаемо и загадочно, но не дает ни малейшего повода сомневаться, что ей уже очень много лет.

– Она свободна?

Мамзель качает головой.

– Я подожду. Пусть постелят чистые простыни и приведут комнату в порядок.

Он тяжело сел на стул, опираясь на трость.

Еще один загадочный взгляд, и хозяйка оставила его одного.

Винге погрузился в свои мысли, едва замечая входящих и выходящих посетителей.

Прошел почти час. Наконец хозяйка появилась на галерее и помахала ему рукой. Винге поднялся по лестнице и открыл знакомую дверь.

Она ждала его, сидя на краю кровати и соблазнительно скрестив ноги. Та, которую в борделе называли Цветок Финляндии. Он не сразу ее нашел. Ему нужна была женщина в его возрасте, а тридцать – большая редкость для этой профессии. Но ему повезло. Она выглядела замечательно, несмотря на годы, хотя в ее мире женщины старятся вдвое быстрее.

В глазах мелькнула искра узнавания, девушка радостно улыбнулась, и в ней произошли мгновенные изменения. Плечи опустились, кокетливо выпрямленная спина вернулась в обычное положение.

– Это вы! Старая ведьма ничего мне не сказала.

Приятный, теплый и забавный финский акцент. Винге молча кивнул. Обвел комнату глазами – все ли сделано, как он просил. Протянул ей маленький тряпичный сверток – давно договоренная сумма. Она знаком попросила положить деньги на комод.

– Вы на всю ночь останетесь, как всегда?

– Да, Юханна. Надеюсь, денег хватит.

Она засмеялась:

– Даже если бы и не хватило, я бы сделала вам скидку. Вы мой самый лучший клиент. Хорошо платите и мало требуете. Обычно наоборот. Или пожелаете что-то особенное?

– Нет, Юханна. Ничего особенного. Все, как всегда.

Он снял плащ, развязал галстук. Достал из кармана жилета маленькую бутылочку и протянул Юханне. Она опять улыбнулась, вынула пробочку, капнула несколько капель на ладонь и провела по шее и груди.

Винге стянул рубаху и брюки, она тоже разделась, и они залезли под одеяло.

Он повернулся к ней спиной. Она положила руку на лопатку: точно так, как он ей показывал.

Юханна очень похожа на его жену – такие же светлые волосы, такие же синие глаза. А теперь и пахнет так же, и рука такая же теплая.

Она задувает свечу и долго прислушивается, как успокаивается его дыхание, как он вздрагивает, словно боится проснуться... и тогда она гладит его по лбу или напевает колыбельную – и этому жесту, и словам, и мелодии колыбельной научил ее он.

Он открывает глаза на рассвете и, как всегда, не может определить, что несет с собой момент пробуждения: облегчение или страдание. Рассудок еще не проснулся и позволяет ему создать иллюзию, что ничего не изменилось, все точно так же, как было раньше.

Медленно, стараясь не шуметь, одевается. Но Юханна все равно просыпается от звука поворачиваемого в замке ключа.

– Сегодня в последний раз.

– Почему? Я что-то сделала не так? Или вам надоела эта игра?

– Нет-нет, ты молодец. Но у меня больше нет денег.

Она грустно улыбается и пожимает плечами.

Винге взял плащ и заметил, что ткань на локте протерлась.

Значит, он одет вовсе не так, как рассчитывал. Не скромно и корректно, а просто-напросто дурно. А он-то надеялся, что этих тряпок хватит до конца жизни.

7

Колокола Святой Хедвиги и Святого Якуба одновременно пробили два часа дня. Кардель на заплетающихся ногах шел по Новому мосту. В воздухе стоял моросящий дождь, мачты далеких кораблей и низкие строения галерной верфи на Юргордене еле различимы в густом, давящем тумане. Над восьмиугольной крепостью на Кастельхольмене беспомощно повис насквозь мокрый трезубый флаг шведского флота. Под ним – Кошачье море, до омерзения грязное, но все же не такое отвратительное, как Фатбурен, – из-за постоянного притока воды из Балтики. Море исправно возвращало городу отбросы, и у берегов покачивалась подозрительно коричневатая жижа. Прачки будто и не обращали на нее внимания: окунали белье и отжимали грязную воду на стиральных досках.

Кардель обогнул занявшего почти все пространство моста нищего – тот пытался вызвать сочувствие, выставив на обозрение прохожих изуродованные руки. Перед входом на рыбный рынок на деревянном коне с острым хребтом тихо плакал немолодой дядька с подвешенными к ногам тяжелыми гирями – должно быть, извозчик, пойманный на вымогательстве лишней платы.

Другой, полуголый, стоял у позорного столба. Из носа у него текла кровь, и он время от времени слизывал ее языком.

Сразу за мостом начинаются трущобы. Полуразвалившиеся лачуги – здесь люди имеют куда больше причин бояться наступающей зимы, чем другие. Беспощадный холод проникает во все углы их жалких хибар. Заледеневшие трупы складывают в штабеля у ворот кладбища в ожидании весны, когда начнет оттаивать промерзшая земля.

На берегу у верфи Терра Нова работают землекопы – готовят место для новых доков и мастерских.

Кардель повернул от моря. Здесь строения попадались все реже, воздух стал заметно чище – соленый бриз с Балтики выдувал всю городскую вонь. Вскоре он увидел поместье Спенса, или, как его называли в городе, Спенское, – ряд строений, окруживших липовую рощу.

На аллее он наткнулся на пожилую служанку с медным кувшином.

– Господин Винге снимает комнату в новом доме. Вон в том, каменном, на втором этаже. Заходите, погреемся... – Она провела его в кухню и пошла на второй этаж известить о посетителе.

Кухня помещалась рядом с сенями. Слуги и служанки непрерывно сновали туда-сюда, и Кардель все время оказывался на дороге. В каменной печи пекли хлеб.

Наконец кто-то догадался и протянул ему кружку с домашним пивом и свежее испеченную пшеничную булку. От булки он отказался. Только одна рука – он повертел деревянным протезом и усмехнулся.

Не успел Кардель отхлебнуть пива, на лестнице показалась служанка и помахала рукой: господин Винге готов вас принять. Могла и не показывать комнату: кашель был слышен еще со двора.

Довольно мрачное жилище. Мебель самая простая, должно быть, сдается вместе с комнатой. Штабеля книг, сундук. Недорогой секретер у окна, поближе к свету.

На столе разложены детали часового механизма. Комната прямо над кухней, от пола поднимается жар – судя по всему, единственный источник тепла. Есть и изразцовая печь, но она погашена. Настоящие холода еще не настали.

И запах. Кто-то другой, кто прожил иную жизнь, может, его бы и не узнал, но Кардель узнал сразу. Запах крови. Под кроватью заметил ночной горшок с красными пятнами по краям и смущенно отвел взгляд.

Винге сидит на краю постели. Бледен и спокоен, не сказать, что всего несколько минут назад его бил изнуряющий, надрывный кашель.

Кардель пытается найти слова, но Винге начинает первым:

– Вы поговорили с кем-то и узнали, чем я занимаюсь и каковы мои дела. И вы раскаиваетесь в ваших последних словах, потому что у вас не было намерения меня обидеть.

Кардель с облегчением кивнул.

– Это совершенно неважно, Жан Мишель. Важно, что вы пришли. Что вас заставило изменить решение?

– Вы говорили что-то о деньгах. Один Бог знает, как мне нужны деньги.

– Может быть... но я бы не предложил вам плату, если бы не почувствовал какую-то более важную причину вашей заинтересованности. Вам же никто не предлагал плату, когда вы полезли в ледяную октябрьскую воду и выудили тело несчастного Карла Юхана.

– Да... война. У меня был друг... он, наверное, не меньше ста раз спасал мою жизнь. Он мою, а я его. Он получил балкой по голове... умер, наверное, сразу, но я держал его на поверхности воды, покуда мог. Покуда волной не вырвало. Упустил я его. И как раз позавчера он мне приснился... он мне вообще чуть не каждую ночь снится. И когда я полез в Фатбурен, пьяный еще... мне показалось, что я опять там... и уж на этот-то раз я его не упущу. Поэтому, конечно, протрезвел. А в башке так и застряло: на этот раз не упустил. Вот и пошел на него посмотреть.

– Благодарю за доверие, Жан Мишель. Я не из праздного любопытства спросил. Предложение насчет денег остается в силе, но я плачу только в том случае, если ваша лояльность не колеблется в зависимости от того, кто больше даст. Вы, как я вижу, палыт, но работа вам не по душе.

Кардель поморщился, вспомнив своих сослуживцев, сепарат-стражников. Молодые, искалеченные войной парни, которые за взятку продадут кого угодно. Особенно если взятка натурой – вино, женщина...

– Нет, – сказал он твердо. – Работа мне не по душе. Моя должность – это вроде подавания инвалидам. Послужили отечеству – и спасибо. Вот вам должность, жалованье, живите пока. Но это не каждому. Мне еще повезло. Другие попрошайничают. И должность мне досталось, так сказать, по знакомству. Но избави Бог, чтобы я поволок в каталажку какого-то бродягу или девчонку-поблядушку. Они сами, что ли, выбирали свою судьбу? А я? Я ее тоже не сам выбрал.

С каждым днем темнота начинает душить город все раньше и раньше. Винге достал серные спички и зажег свечу на секретере. На стенах заплясали уродливые тени.

Он опять сел на кровать и положил ногу на ногу.

– Я должен поставить вас в известность, что работаю по соглашению с полицеймейстером Норлином. Ищу убийцу несчастного Карла Юхана, имея за спиной его авторитет. Можно сказать, взял его полномочия взаймы. Но! Норлин скоро покинет свой пост, и он назвал имя человека, который с большой долей вероятности займет его пост. Его имя Магнус Ульхольм. Несколько лет назад его посадили управлять вдовьей кассой¹³ духовенства, а при проверке выяснилось, что крупной суммы недостает. Подозрения пали, естественно, на Ульхольма. Я тогда работал в уездном суде и помогал расследовать это дело. Ни секунды не сомневался, что Ульхольм виновен в растрате, но он предусмотрительно сбежал в Норвегию. Процесс без обвиняемого ушел в песок, а потом его пригласил барон Ройтерхольм, нынешний министр, он-то знает, как пользоваться человеческой алчностью. К тому же Ульхольм весьма злопамятен. Как только он узнает про старания Норлина раскрыть преступление, тут же прикроет следствие.

Винге встал и начал ходить из угла в угол, сложив за спиной тонкие руки.

¹³ Вдовья касса – деньги, предназначенные на содержание вдов умерших пасторов.

– Это во-первых. А во-вторых – преступление, которое нам предстоит раскрыть, очень необычно. Его совершил не уличный бандит. Подумайте сами, Кардель: какие надо иметь возможности, чтобы несколько месяцев держать человека под замком и отрубать ему конечности? И при этом, чтобы никто ничего не заметил? Подумайте, какая сила воли для этого нужна... Сила воли и целеустремленность. И кто знает, какое чудовище выползет из-под этого камня, если нам удастся его перевернуть? Вы рискуете нажать по врагу на каждый риксдалер, который заработаете, причем по обе стороны баррикад. Я говорю об этом потому, что вы рискуете больше, чем я.

Винге подошел к окну, где поблескивали стеклярусные нитки дождя, постепенно переходящего в мокрый снег.

– Вы рискуете больше, чем я, – повторил он. – Потому что я не переживу эту зиму. Скоро я окажусь вне достижимости... за пределами взаимодействия причин и следствий. Впрочем, и так мало кому дано понять, как они взаимодействуют... Что бы ни случилось, вам придется расхлебывать одному.

Кардель устался в пол. Он почти не знаком с Винге... но странно: мысль о его неизбежной смерти отозвалась смутной печалью. Не обернется ли попытка вылечить рану, оставленную гибелью Юхана Йельма, новой, еще более тяжелой раной? Но, как ни странно, решение пришло без труда.

Он грохнул здоровой рукой по секретеру так, что часовые колесики подпрыгнули и поменялись местами.

– Не будем терять время! – сказал он. – Если постараемся, вы тоже успеете хлебнуть дерьма.

8

В кабачке «Флагген» у Ладугордского залива очень весело. Два горе-музыканта – один с лирой, другой со скрипкой, решили не конкурировать за подачки, а превратить соревнование в сотрудничество. Набилося множество любопытных, даже на лестнице у входа не протолкнуться. Воздух на улице сырой и холодный. Выпавший снег не удержался – тут же растаял. Вечерний туман медленно и неотвратимо карабкался с моря по городским откосам.

Винге и Кардель зашли поужинать. Нашли столик около печки, подальше от гуляющих по трактиру сквозняков.

Винге почти не притронулся к еде, зато Кардель уминает все мгновенно. Фрикадельки из щуки, тушенная в масле морковь, связка сосисок, отварная треска и жареная сельдь, пареная репа, хлеб, сыр и десерт: тарелка молочного супа с апельсиновыми дольками и сладкими сухарями. Винге ему не мешает, терпеливо ждет, пока пальт насытится. Поковырял вилкой в тарелке, отодвинул в сторону и попросил принести кофе.

Кардель сморщил нос, когда запахло свежесмолотыми зернами:

– Не понимаю, что люди находят в этой жиже.

– Вкус, разумеется, дело привычки. Но голова проясняется мгновенно... Жан Мишель, вы не хотите рассказать, при каких трагических обстоятельствах вы лишились руки?

– Не то чтобы хочу... нет, скорее не хочу. Но рассказать стоит. Может, и к лучшему. Думаю, всем полезно узнать, как Густав воевал с русскими. Глядишь, отобьет охоту ввязываться в подобные истории. Я-то что? От меня мало что зависело, да и героем я никаким не был. Так... ничего не значащая фигура. Положено мне было помереть, как и многим, а нет... судьба скапризничала и распорядилась... вон как она распорядилась... – Кардель помахал деревянной рукой. – Можно сказать, рука пожертвовала собой, чтобы спасти мою жизнь... уж не знаю, благодарить ее или проклинать. Скорее проклинать – уж больно настырно она о себе напоминает.

Малый чин унтер-офицера не помешал Карделю очень быстро заподозрить, что в войну ввязались наспех, с неподготовленной армией. Пять лет отслужил в артиллерии. В середине лета 1788 года вместе с тысячами других солдат его перебросили на гребной каботажной галере на восточный берег Балтийского моря, в Финский залив. На острове Хангё их перегрузили на военные корабли, пришедшие из Карлскруны под командованием брата короля, герцога Карла. Кардель попал на линейный корабль «Фадернеланд»¹⁴, построенный пять лет назад в Карлскруне по чертежам Фредрика Чапмана. Шестьдесят пушек. Не много, но и не мало. Бывает и за сотню.

– Мы, можно сказать, вместе начали воевать – я и «Фадернеланд». – Кардель усмехнулся. – Однолетки. Я посчитал это хорошим знаком. Но, как оказалось, ошибся.

*

Семнадцатого июля Кардель стоял на палубе «Фадернеланда». По морю бродили последние ключья утреннего тумана. С шедшего в авангарде фрегата просигналили: враг на горизонте. Через полчаса Кардель и сам увидел в утренней дымке лес мачт на востоке. В этот момент он впервые почувствовал укол страха под ложечкой.

Силы были примерно равными: семнадцать русских кораблей и ровно двадцать шведских.

¹⁴ «Отечество».

– Разрази меня гром – это был мой первый бой, Винге! На море... как бы вам сказать... морской бой разворачивается на удивление медленно. Как только заметили друг друга, начинаются маневры. Капитан ловит ветер, уваливает, приводится, приглядывается к течениям – всё, чтобы подойти поближе к врагу, и не просто подойти, а встать бортом, дать простор пушкам. Тут уже наша работа. По команде «заряжай» – заряжаем, по команде «пли» – палим. Даже в пушечный люк не смотрим – ядро, картуз¹⁵, пли... ядро, картуз, пли. А там, как Бог положит – либо мы их, либо они нас. Мы – такая же мишень, как и они. Жуткое дело. Весь корабль дрожит как припадочный. Щепки хуже всего – как кинжалы. Вонзаются в тело, как в только что сбитое масло. А вынуть некогда. Ядро, картуз, пли... Даже по нужде никто не отходит, валят тут же, дерьмо пополам с кровью, через полчаса скользишь, как на катке. Вонь невыносимая... А вы, к примеру, знаете, что, когда человеку до смерти страшно, даже пот пахнет по-другому? Пороховым дымом он пахнет, вот что я вам скажу. Если бы ядер хватило, мы бы победили.

Тысяча человек погибли в этом бою. Русских вдвое больше, чем шведов. Когда стемнело, все замерло, а под утро шведский флот развернулся к Хельсингфорсу – ядра кончились. Русские, к счастью, не стали за нами гнаться. Вице-адмиральный «Принц Густав» достался русским, а мы захватили «Владислав», фрегат на семьдесят четыре орудия. Знали бы, чем кончится, потопили бы его к чертовой матери. Этот «Владислав», нечистый его побери, стоил нам войны.

Именно на «Владиславе» началась пятнистая лихорадка¹⁶, но мы довели судно до Свеаборга. Там я остался на зиму, а остальной флот вернулся в Карлскуну. Легко сказать – вернулся. Нас погнали с топорами и ломами пробивать проход – у берегов уже встал лед. Значит, флот повез заразу в Швецию, а мы остались в этой преисподней, в Свеаборге. В ту зиму крепость и назвать иначе нельзя было: преисподняя. Солдаты мерли как мухи. В лазарете на одну койку пять человек штабелем, нижний уже помер. Без исключений – всегда. Нижний помер. А те, кто пока не помер, смотрят своими красными глазами в одну точку, видят что-то, чего живым не углядеть, и кричат так, что кровь в жилах стынет. У многих рассудок сдвинулся: я видел, как зимой, в стужу, полуголые солдаты убегали из лазарета, а потом их находили в самых гиблых местах. Меня Бог миловал, я не заразился.

А по весне в Финский залив опять пришла война. У Свенсксунда нас просто перебили, как котят. И под Выборгом тоже... никаких шансов. Что странно – с моей головы ни один волос не упал. Ничто меня не брало – ни лихорадка, ни осколки, ни пули. В мае пришло подкрепление из Турку. Меня послали обучать новичков и перевели на «Ингеборг», каботажный парусник. Я его возненавидел с первого дня. Тот же Чапман нарисовал, будь он проклят... Он же в жизни не ходил под парусом, Винге! Ни разу в жизни! Кабинетный моряк, математик, чтоб ему неладно было. Сто двадцать футов и дюжина пушек с двенадцати фунтовыми ядрами. Тек он, как решето. В трюме плесень с ладонь, слежалась, сволочь, хоть ножом режь. Мы из шхер носа не показывали, держались поближе к земле.

Во второй раз пригнали шведские корабли в Свенсксунд. На убой, как овец. Все с пробоинами, русские на пятки наступают, а основной флот заперт у Свеаборга. Бежать некуда. Принять сражение – ничего другого не оставалось. И Густав, само собой, рвался в бой.

Русские опять подошли на рассвете, в тумане. И опять, как и в тот раз, – полный штиль. Четыре часа у них ушло, чтобы подойти на расстояние пушечного выстрела. Четыре часа! А мы, как бараны, стояли и ждали смерти. Эти четыре часа... самые страшные часы в моей жизни, Винге. У нас и сомнения не было: сама смерть идет к нам, поделенная на триста ощерившихся пушками кораблей. Кое-кто пытался дезертировать. Мы, когда драпали из Выборга,

¹⁵ *Картуз* – холщовый мешочек с порохом.

¹⁶ *Пятнистая лихорадка* – сыпной тиф.

видели, как прибой качает трупы у берега. Сотни трупов. Может, тысячи. А кто посуеверней, те даже голоса их слышали: «К нам, к нам! Идите к нам!»

Русские подошли. Мы встали к ним правым бортом и начали палить. Час, другой, а мы все стоим у пушек, протираем ядра, суем картузы, опять ядра, опять картузы...

Примерно к часу дня погода переменилась. Подул юго-западный ветер, поначалу вроде нашептывал что-то, но за несколько минут шепот перешел в вой. Поднялись волны, море закипело барашками, откуда ни возьмись, надвинулись свинцовые тучи. И тут нам повезло – наши корабли были заякорены и связаны между собой, так что мы стояли на месте и могли стрелять прицельно. А русские на еле управляемых фрегатах палили вслепую. Несколько наших кораблей снялись с якорей и пошли в обход: собрались ударить по правому флангу с тыла. Русские на правом фланге раскусили ловушку и стали отходить.

Вдруг начал разворачиваться и левый фланг. Должно быть, приняли бегство за приказ по эскадре. Остался только центр, и его расколошматили в щепки. Уже темнело, а корабли один за другим шли ко дну. Море покраснело от крови. А когда последние корабли попытались отойти, их погубило море. Финские шхеры – коварная штука. Их и в тихую погоду надо знать как свои пять пальцев, а в шторм – гиблое дело. Я-то, понятное дело, всего этого не видел, мне потом лейтенант в лазарете рассказал, как дело было...

Кардель отказался от кофе, отвернулся и несколько минут сидел молча.

– А как же я, Винге? А я вот как. В «Ингеборг» попало русское ядро. Сорвало с лафета двенадцатифунтовую пушку и пробило борт. Пушка металась от борта к борту, человек десять канониров точно разнесла в клочья. Там же тесно, в пушечном отсеке. Начался пожар. Мы продолжали заряжать – команды «прекратить огонь» не было. Потом оказалось, стрелять не в кого – нас развернуло другим бортом. Мы, те, кто остался, поднялись на палубу, а там уже полный хаос. Фрегат тонул. Единственная возможность спасти посудину – сняться с якоря и посадить ее на мель. Мы начали выбирать цепь, и тут грохнул пороховой склад. Лебедку, конечно, отпустили, якорная цепь с лязганьем пошла назад и размозжила мне пальцы. Те, кого не убило на месте, оказались за бортом. И я тоже, но мне вроде повезло – меня бросило на кусок палубы. Фрегат пошел ко дну. Мои товарищи тонули один за другим, а я кое-как держался. К ночи меня нашли – какой-то ботик случайно оказался рядом. Сначала отпилили пальцы, потом руку ниже локтя... да я вам уже рассказывал, как это делается. Так и окончилась война для старшего канонира Микеля Карделя – в полевом госпитале в Ловисе. Потом меня доставили в Стокгольм, и... вот уже три года живу, как живу. – Он постучал по столу деревянной ладонью. – Вы же наверняка знаете, война никакого смысла не имела – все остались при своих. Но я запомнил одну историю, ее мне рассказал молодой офицер по имени Силлен. Король Густав со штабом направлялся на свою яхту «Амфион». Некий капитан Виргин попросил аудиенции и рассказал о неудавшейся попытке штурма русской верфи. И будто бы в подтверждение своих слов показал на убитого штурмана – из огромной раны в животе вывалились кишки. И знаете, что сказал король, Винге? Он сказал, что штурман напоминает ему тряпичную куклу, персонажа его собственной оперы «Густав Васа». А придворные захлопали в ладоши – ах, как остроумно пошутил король! И ради этого мерзавца мы сражались и гибли...

*

Винге помолчал, как бы обдумывая рассказ Карделя.

Тот очевидно устал от собственного красноречия, вытер лоб рукавом на деревянной руке и спросил:

– И что теперь?

– Я назову вам одно имя, Жан Мишель. Если повезет, оно может куда-то нас вывести. А сам займусь странной тканью, в которую завернули тело Карла Юхана для последнего упо-

коения. Это тонкий хлопок с примесью шелка, называется сатин. Очень дорогой. Как только наткнетесь на что-то интересное, поставьте в известность. Теперь вы знаете, где меня искать.

9

Встречу с квартальным полицейским предместья Мария помог устроить Винге и еще кто-то из полицейского управления.

Квартальный уже успел позавтракать, хотя завтрак, судя по всему, употребил в жидком виде – еле держался на ногах, то и дело икал, испуганно округляя глаза и улыбаясь, а волны перегара уничтожали последние сомнения. Крепкого сложения, приземистый, нос кривой: сломан, и скорее всего не раз. На щеках красная паутина лопнувших сосудов.

– Хенрик Стуббе, к вашим услугам! Меня все называют просто Стуббен. Пенек, дескать. «И в самом деле похож», – подумал Кардель.

Стуббе сделал неудачную попытку предотвратить отрыжку и, словно извиняясь, пожал плечами.

– Микель Кардель, ваш покорный слуга, с извинениями за принесенные неудобства.

– Да ради бога! Оставьте эти реверансы, заходите. Только подкрепитесь для начала. Предместье Мария... врагу не пожелаю сюда соваться на трезвую голову. Да и Катарина не лучше.

Проведя полчаса в обществе кувшина с дешевым, бочковым, но сверх всякой меры сдобренным пажитником вином, они вышли на улицу Святой Катарины. У Стуббена припадок красноречия – почему-то ему захотелось посвятить Карделя в особенности жизни в порученном ему предместье.

– Все дерьмо из Фатбурена течет сюда, в Гульфьорден. И младенцев сюда же кидают, чтобы не тратиться на похороны. Нечем нам здесь хвастаться, Кардель, разрази меня Бог – нечем! Но сношаться мы умеем, что да, то да... своя жена надоела, жена друга тоже подойдет. Сношаться и рожать. Навинчивают девчонке оловянное кольцо на палец, а потом, с иссохшими титьками, несут вперед ногами. И сколько лет проходит между этими важными событиями? Скажите мне, Кардель, сколько лет проходит? Десять лет, ну, двенадцать... и столько же детишек. Единицы, говорю вам, Кардель, единицы взрослеют и становятся, как мы с вами, гордыми представителями рода человеческого. Многие и до двадцати не доживают – до первой весенней лихорадки...

Стуббен присел на лавку, зажал шляпу между коленей и потер макушку, чем вызвал короткий снегопад перхоти.

– А с продажными девками? Стыд и срам... Еще не научились толком на ногах стоять, зато раздвигать их уже мастерицы. Берут для вида корзину с яблоками и шляются по усадьбам, склоняют к греху богобоязненных граждан. Да и у них жизнь, скажу я вам... французская болезнь – вопрос времени. Денег на лечение нет, лекарств два – перегонное вино да сивуха, и через пару лет на них и взглянуть страшно. Умные люди, вроде нас с вами, срывают розы, пока не завяли. – Он заговорщически подмигнул. – Да что я рассказываю, вы же палът, кому и знать, как не вам. А вот смотрите, вон ваши идут.

Карделю достаточно увидеть силуэты на холме – конечно же, сепараты, как и он. Фишер и Тюст.

Идут и заглядывают в подъезды в надежде застать какую-нибудь грешницу на месте преступления.

Сам-то он много в страже не наработал. Уже на следующий день подошел к командиру и отказался от службы. Достаточно было одного визита в Прядильный дом – женскую тюрьму на Лонгхольмене. Его чуть не вырвало от стыда, жалости и отвращения. Изможденные молодые женщины ковыляли к своим станкам и работали с утра до ночи, медленно умирая от голода и издевательств таких же пальтов, как и он сам. Ему тогда подумалось: какие бы кары Господь ни назначил беднякам за их грехи, хуже, чем в Прядильном доме, не будет. Он так и сказал

начальнику. Тот попытался его переубедить, но Кардель уперся. Уставился в землю и молчал. Начальник в сердцах плюнул и повернулся на каблуках.

Но странно: службу за ним оставили. Видимо, посчитали, что спокойнее платить Карделю несколько жалких шиллингов, чем разозлить тех, кто составил ему протекцию. Жалованье он пока получает, но единственное, чем может отблагодарить нанимателей, – носить их форменную одежду. Какая бы ни была, лучше, чем то, что у него есть. Камзол, сапоги, штаны, пояс. Хлыст Кардель сломал об колено, а ремень для порки выкинул в Риддарфьорден.

Взял Хенрика Стуббе под руку, поднял с лавки и повел за угол, чтобы не встречаться с Фишером и Тюстом. А квартальный, передохнув, продолжил свой обличительный монолог:

– А Фатбурен, Кардель? Выгребная яма. Слышал, слышал, вы окунулись недавно, если я правильно понял. А вы там бывали, когда ветер начинает дуть всерьез? Крылья вертятся так, что мельницы скрипят, а в Фатбурене будто суп варят. Вся гниль поднимается со дна. Вонь такая, что народ убегает, сломя голову. Вы знаете Сёдер, Кардель?

– Немного знаю... все, что видно из окон трактиров, изучил досконально.

– Этого мало, Кардель, этого мало! Я вам расскажу... Это убежище всякого ворья. Все воры. Если не все, то каждый второй. Дети учатся воровать с колыбели, начинают, так сказать, победный марш к позорному столбу или, еще того чище, – к виселице. Вчера какой-то тип читал в кабаке «Стокгольмс-Постен». Вслух. Я хохотал от души. Какой-то писака под именем «Друг порядка» возмущается ночными бабочками на Стадсхольмене: дескать, продаются за несколько шиллингов. Мы животы надорвали от смеха – господам, видно, деньги девать некуда. Здесь, через мост, за полцены делай что хочешь. Совсем девчонки, и кто постарше, и мальчуганы – выбирай не хочу.

Белые каменные дома торговцев и богатых ремесленников, где разместилось сразу несколько поколений, а рядом – деревянные лачуги. Городская управа уже много лет пытается их снести. Деревянные, теснящиеся друг к другу хибары – если начнется пожар, выгорит весь район. Тут и там вывороченные булыжники: улицы вымощены неумело, и камни покидают насиженное место не только под колесами экипажей, но и под сапогами пьяных солдат.

У колодца при церкви Марии они остановились попить воды.

Кардель отпил глоток и поморщился. Стуббен радостно хохотнул:

– Море, Кардель, море! Море у Слюссена ищет, куда бы просочиться, вот и до колодца добралось. Отсюда и вкус. Многие перепортили свои пунши – не попробовали сначала водичку.

Стуббен показывает дома, делится сплетнями об обитателях, стучится в двери и ставни и кивает Карделю – задавайте, мол, свои вопросы.

Кардель спрашивает, опять спрашивает – без всякого проку. Ответы уклончивы и робки. Люди приучены бояться начальства. Если у тебя, не дай бог, нет справки от работодателя, могут поволочь на принудительные работы или в тот же Прядильный дом. Никто ничего не видел – с детства усвоенная мудрость. Не вижу, не слышу, не знаю.

Через пару часов Кардель начинает терять терпение. Неужели нельзя получить прямой ответ на самый простой вопрос?

– А что вы ожидали, Кардель? Предлагаю пойти перекусить.

Они спустились к Русскому подворью, где купец-московит пытался перекричать уличный шум на своем тарабарском языке. В кабачке «Пеликан», в двух шагах от Слюссена, им подали жареную селедку с репой, по кружке пива и по стаканчику шнапса. Народу в кабаке полно, люди сидят локоть к локтю. Бродят знакомые дрожжи недовольства. То и дела поминуют недобрым словом герцога Карла и барона Ройтерхольма. Денег нет, государством управляют неправильно, повсюду мздоимство, срочно нужны перемены...

– Могу я спросить, Микель Кардель? Если вы, конечно, ничего против не имеете... Чем вы занимаетесь? Неужели в этом городе совсем уже нечего делать? Я много слышал о Сесиле

Винге, могу вам сказать. И не только слышал, я его видел, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить: что-то с ним не так. Тело, конечно, еще шевелится, но жизни в нем уже нет. Словно из могилы сбежал. Как хотите, но, по моему разумению, против природы – этак цепляться за жизнь. Судьбу не переломишь, Кардель, судьбе надо подчиняться. А вы, Кардель? Настоящий мужик, плоть и кровь, еще не старый – вся жизнь перед вами! Что вас понесло тратить время на это безнадежное дело?

Кардель привык. В нем так долго бродит и кипит ярость, что каждый подобный случай – упражнение в умении ее сдерживать. Желание в очередной раз расплющить нос этому Стуббену было так сильно, что он немалым усилием воли заставил себя отвернуться и посмотреть в окно.

– Безнадежное или нет – время покажет, – сказал он. – Господину Стуббе придется поверить на слово – у моих дверей не выстроилась очередь богатых благодетелей. Может, вы сами на что-то обратили внимание той ночью?

Хенрик Стуббе допил пиво, подумал и неожиданно хохотнул:

– Да... скажу вам, господин Кардель, вот что: странная была ночь. Я проснулся, отлить захотел – с возрастом, знаете, все чаще и чаще по ночам просыпаешься по нужде. Посмотрел – горшок полон. Думаю, добавлю – и наводнение. Вышел во двор. Стою, значит, занимаюсь своим делом. Пока глаза к темноте не привыкли, ничего такого не замечал. Потом смотрю – что за черт?.. Где я стою? Дом, что ли, ночью переехал? Пошел посмотреть. Так и иду, с шалуном в руке, и натываюсь на какую-то штуковину. Твердая. Но все равно ни черта не вижу. Сходил за фонарем. Подхожу – стоит. Портшез, Кардель. Крытые носилки. С окошками, гардинами, одна только жердь сломана. В нынешние времена! И раньше ко мне посетители в портшезах не являлись. Кого-то, думаю, принесли на мой прибор полюбоваться. – Стуббе сделал паузу и засмеялся, как бы приглашая Карделя оценить шутку. – Оказалось, пустой. Сломанный к тому же. И никого рядом. Ладно, думаю, пусть до утра постоит. А утром выхожу – его и след простыл. И слава богу, думаю, а то малышня со всей округи сбежится. А не то какой-нибудь бродяга поселится. Да и загадки никакой нет. Наверняка сломался этот чертов портшез, хозяин пошел пешком, а слуги с инструментом явились попозже, починили кое-как и отволокли в усадьбу.

– Ночью? А как он выглядел?

– Зеленый. С золотыми вставочками. Дорогая штука, а я на нее поссал. Дорогая, но сильно пользованная. Нечему удивляться – сейчас их и не увидишь, не то что раньше.

– А кто-то еще его видел?

– Кому бы это? У меня, Кардель, никакого желания нет делить с кем-то мое одиночество. Мне оно по душе. Но я тот же самый вопрос задавал некоторым соседям. Из любопытства, только из любопытства. Подумал – можно ведь продать этот портшез или по крайней мере в ломбард заложить. Но никто ничего не видел.

– От одного к другому... А что господин Стуббе делает помимо своей должности квартального комиссара?

– Похмелье – не единственное последствие перегонного, Кардель. Я приторговываю суслом. – Он уловил в глазах Карделя непонимание и пояснил: – Когда брагу перегоняют, остается жижа. Сусло. Мне винокурни отдают его бесплатно, а я продаю на хутора. Не только винокурни – и те, кто дома гонит, все, кто всерьез занимается этим делом, рады от сусла избавиться. Карделю я бы не порекомендовал угоститься, но поросята, куры и гуси – с большим удовольствием. Только подкладывай.

– Я канонир, Стуббе. Взрывы и выстрелы сделали свое дело. Стоишь рядом с тридцатистецифунтовым орудием, пли! – и будто тебе по морде заехали. Но вы, Стуббе, порядочный гражданин с неповрежденными, как у меня, мозгами – вы, надеюсь, можете мне помочь отгадать загадку? Может ли господин Стуббе дать ответ на вопрос: если вы решили возить по городу труп, что вам для этого нужно?

Стуббе наморщил лоб и пожевал нижнюю губу.

– Ну... думаю, любой крытый экипаж подойдет.

Кардель склонил голову набок и посмотрел на собеседника.

– Крытый – да. Но экипаж? Копыта грохочут по мостовой, колеса скрипят... любой таможенник остановит и проверит. Даже в границах города.

– Кардель имеет в виду тихий и незаметный экипаж? Не знаю таких.

– А разве не вы сказали, что нашли у себя во дворе крытые носилки, которые потом исчезли? Причем ваш дом совсем близко от озера.

– Носилки? Не хотите ли вы сказать, что труп могли перенести в каком-то портшезе?

– Не в *каком-то*, капуста вы голова. Именно в том самом, который стоял у вас во дворе. И вы протаскали меня по всему Сёдермальму, когда ответ на вопрос пару часов простоял у вашей двери. Единственное утешение, что вы устали от этой идиотской прогулки еще больше, чем я. Они принесли труп в этом чертовом портшезе, в мешке, но по дороге назад носилки сломались, и они оставили их в первой попавшейся подворотне, чтобы как можно быстрее вернуться с запасной жердью и забрать улику. Думаю, этот портшез и сейчас стоит в какой-нибудь столярной или каретной мастерской. А теперь слушайте меня, господин Пенек. Если вы хотите сохранить свою должность, вы сейчас же побежите домой и расспросите всех, а ваших соседей в особенности. От стариков до грудных детей – всех. Может быть, кто-то видел портшез и способен описать его получше. Или видел, как его забирали. Я хочу знать ответ еще до того, как появятся фонарщики.

По дороге назад взволнованный Кардель разговаривал сам с собой, прислушиваясь к непрекращающемуся бурлению Стрёммена.

– Я держу тебя за ворот, Карл Юхан, и на этот раз не упущу. Осталось только найти зеленый портшез с золотыми вставками и новой жердью.

Он посмотрел на башню церкви Святой Марии, так и не заслужившую новый шпиль, и добавил:

– И маленько обоссанный.

10

Весь день Винге посвятил хлопковым тканям. Торговцы словно соревновались в нежелании отвечать на вопросы, не касающиеся их собственных товаров. Наконец, кто-то нехотя сообщил – скорее всего, товар английского купца, который то ли уже отбыл из Швеции, то ли не отбыл – сказать трудно. В какой гавани зачalen его корабль, тоже никто не знал. Единственный выход – искать в портовом таможенном регистре.

В доме таможни – бурлящий хаос товаров, экзотических нарядов и языков. Чиновники снуют во всех направлениях, их сопровождают писцы с карандашами и толстыми журналами. Купцы и капитаны спорят с чиновниками, выторговывают таможенные скидки, кто-то яростно, чуть не до драки, утверждает, что весы неправильные, что это нарочно устроил таможенник, тот самый, которому на помощь уже спешат стражники. Те, кого не хотят выслушать, поднимают голос до крика. У Винге разболелась голова. В конце концов ему удалось всучить рикс-далер одному из служащих, и тот показал ему списки кораблей. «Софи», корабль Ост-Индской компании, порт приписки Саутгемптон. Стоит у пирса в квартале «Орфей», недалеко от Дворцового взвоза. Должен был уже покинуть Швецию, но пока не покинул – ждет подходящего ветра.

Винге вышел из таможни уже в сумерках и поспешил на пирс. Корабельная набережная все еще носит следы лошадиной ярмарки – тут и там валяются яблоки конского помета. Он с тревогой посмотрел на горизонт – слава богу, ни одного паруса. Значит, ни один корабль еще не покинул Стокгольмский порт. Не удивительно – слишком поздно. Ночью провести корабль по лабиринту стокгольмских шхер мало кому удавалось, а сейчас к тому же полный штиль. Разноцветные вымпелы бессильно повисли на топах мачт.

Опять чувство песка в гортани – бесконечные разговоры на таможне, холодный влажный воздух. А в ребро точно вонзили вязальную спицу.

Пришлось убавить шаг и все больше довериться трости. Ее изящный серебряный набалдашник с мрачной издевкой напоминал, что когда-то эта трость служила украшением, а не опорой.

Винге с облегчением прочитал название на носу довольно большой торговой бригантины. «Софи». Пришвартована правым бортом к пирсу, типично английской постройки: фок-мачта выше грот-мачты. На шведских кораблях наоборот. Жизнь в порту замерла – грузчики и рабочие разошлись по домам, праздная публика – по кофейням и кабачкам, а моряки двинулись искать развлечений в узких переулках города.

Он прошел по шатким сходням на судно и удивился – как умудряются грузчики бегать с тяжелыми мешками по такому узкому трапу? На палубе пусто, только какой-то средних лет моряк сосредоточенно пакует свинцовый лот в темный деревянный сундучок.

– Джозеф Сэтчер?

Моряк ответил по-французски. Небольшого роста, широкоплечий. Моряцкий непромокаемый плащ, треуголка, грубые, устойчивые сапоги. Большая, не особо ухоженная борода.

– Не Сэтчер, а Тэтчер. Малопригодная для торговли со Швецией фамилия, как, впрочем, и мои товары. Вы, наверное, не говорите на моем языке.

У Винге безукоризненный французский, вполне приличный немецкий, он понимает греческий и свободно читает на латыни, но английский... Тэтчер понимающе кивнул:

– Мой шведский тоже оставляет желать лучшего. Тогда французский. Насколько я понял, вы ищите именно меня. Позвольте узнать, по какому поводу?

– Меня зовут Сесил Винге. Мне сказали, что вы главный авторитет по части хлопковых тканей. – Он протянул Тэтчеру сверток.

Тэтчер присел на сундук и жестом пригласил Винге присесть на банку рядом с трюмным люком.

Молча пощупал ткань и покачал головой:

– Мои пальчики уже немало поведали про вашу тряпку... хотя лучше сходить за фонарем. Но сначала хотелось бы узнать причину вашего интереса.

– В ткань, которую вы держите в руках, был завернут изуродованный труп утопленника, и я пытаюсь раскрыть это преступление.

Тэтчер внимательно посмотрел на Винге. Ушел, почти сразу вернулся с зажженным фонарем и долго изучал ткань. Винге не произнес ни слова.

Купец вытащил простенькую деревянную трубку и раскурил ее от фонаря.

– Скажите мне, господин Винге, знакомо вам выражение *Homo homini lupus est*?

– Слова Плавта¹⁷ о Пунической войне: человек человеку волк.

– Да? Не знал... Извините простого купца, у которого не было возможности получить классическое образование. Я-то вычитал у Вольтера, но, если вдуматься в содержание... да, скорее всего, сказано намного раньше. А как считает господин Винге? Мы и вправду волки? Только и ждем неверного движения, чтобы перегрызть друг другу глотки?

– У нас есть законы и установления, призванные подавлять такого рода желания.

Тэтчер как раз в эту секунду выпустил внушительное облако дыма и поперхнулся горьким смехом.

– «Законы и установления»... Законы и установления не работают. Перед вами великолепный пример, Винге. Ваша страна – банкрот. И, если бы почта работала получше, меня бы предупредили, и я, возможно, избежал бы разорения. Здесь никто даже не спросил, что я привез на продажу. Чтобы не возвращаться домой с пустыми руками, распродал все себе в убыток. К убытку приплюсуйте жадные лапы таможенников, к которым прилипло немало дукатов. И конкурентов. И кредиторов, с которыми нечем расплатиться. Мне конец, господин Винге. Вы заметили, чем я был занят, когда вы объявились?

– Да. Заметил. Вы укладывали лот в какой-то сундучок, возможно, кассовый ларец.

– Тогда вы, возможно, сумеете догадаться о причине такой странной прихоти?

Винге кивнул и опустил глаза. Странно, подумал он. Неужели смерть имеет какой-то особый, только ей присущий запах? Или еще какое-то неопределимое свойство? Иначе почему он так ясно ощущает ее присутствие? Результат ли это работы, которой он занимается, или его плачевного состояния?

– Вы собираетесь бросить ларец за борт. А поскольку деньги и ценные бумаги часто можно приравнять к жизни человека, посвятившего себя их обороту... Поскольку вы как раз из таких людей, предполагаю, что ларец пойдет на дно в ваших объятиях. А свинцовый лот вы положили, чтобы сократить мучения.

Тэтчер выпустил красивое, медленно изменяющее форму кольцо дыма. Ветер, весь день прятанный в засаде, словно ждал этого момента: подхватил сизую восьмерку, растерзал на клочки и тут же замер.

– За груз я отвечаю один. Все мое имущество заложено. Господа, которые вложили деньги в мое предприятие в надежде на проценты, как я уже говорил, перегрызут мне глотку. Если я вернусь, у меня отберут все. И зачем мне возвращаться? Того же результата можно достичь, не покидая Стокгольма. Я избегаю утомительного плавания, к тому же укорачиваю путешествие – от полутысячи морских миль до двадцати футов под килем. И заметьте: беру с собой все бумаги, чем серьезно уменьшаю шансы, что мои долги перейдут по наследству.

Тэтчер попытался трубкой, а когда поднял глаза на Винге, во взгляде мелькнула недобрая искорка, заметная даже сквозь облако табачного дыма.

¹⁷ Плавт – древнеримский комедиограф.

– И с какой стати я должен вам помогать? Вы считаете, что это лучший способ расправиться с жизнью – помочь поймать волка, который оказался проворнее других? Если бы я сам был настоящим волком, я бы не отсчитывал сейчас последние минуты жизни. А вы, господин Винге? Вы что за волк? Или вы охотник?

– Боюсь, я вообще не волк. Я занимаюсь этим делом вовсе не для того, чтобы утолить жажду крови. Но я все равно раскрою это преступление, с вашей помощью или без вашей помощи.

Тэтчера внезапно передернуло, и он сложил руки на груди, будто пытался согреться. Трубка так и осталась висеть в углу рта. Человек на полпути в иной мир.

– Вы противоестественно худы, господин Винге. Худы и бледны. Чего вам не хватает?

– Двух исправно работающих легких. У меня чахотка. Не думаю, что надолго вас переживу.

Тэтчер внезапно захохотал. Винге вздрогнул. Его испугал даже не смех, а зловещее эхо, прокатившееся по зеркальной, ртутно светящейся в полумраке глади моря.

– Что ж вы сразу не сказали? Кому и держаться вместе, как не тем, кто собрался вот-вот отдать Богу душу! И кое-чем я могу вам помочь. Потому что ткань, которую вы мне показали, возможно, и впрямь содержит тайну, которую вы надеетесь разгадать.

Он знаком показал Винге, чтобы тот подошел поближе, развернул покрывало и поднес к свету фонаря.

– Смотрите внимательно. Тонкий хлопок сложен вдвое и сшит. Шов... видите шов по короткой стороне? Ткань сшивали наизнанку. А вот здесь шов разошелся...

Тэтчер просунул в дыру кулак и нанизал на руку все покрывало. Нащупал противоположный конец, ухватил и вывернул, как мешок.

– Смотрите! Такое не каждый день увидишь.

Вдоль ткани шел фриз с шитым золотом рисунком. Золотое шитье сверкало, будто и не побывало в грязной воде Фатбурена. Мотивом фриза служили сплетенные мужские и женские фигуры. Двое мужчин и две женщины. У мужчин – огромные, достающие чуть не до солнечного сплетения фаллосы, у женщин – столь же неестественно огромные груди. Искаженные страстью лица. Искусное изображение шаловливого квартета повторялось многократно, по всей ширине ткани.

– Как знаток, могу сказать, что и шитье, и сама ткань наивысшего возможного качества. Настоящий сатин. Хотя должен признаться: у меня есть подозрение, что художник позволил себе некоторую анатомическую свободу, реализовал, так сказать, свою сокровенную эротическую мечту. Не думаю, что ему послужили живые модели. Впрочем, какое значение это имеет теперь? Мои собственные достижения в этой области я уже не превзойду. А во всем остальном – надежда на детей, но сомневаюсь... Беда в том, что я старался воспитать из них хороших людей... Наивный идиот. Они станут такой же легкой добычей, как и их отец.

Тэтчер начал выковыривать остатки табака из трубки, но передумал и выбросил ее за борт. Поднялся и открыл крышку сундучка, где тяжелый свинцовый лот лежал поверх кипы бумаг. Там еще оставалось место.

– Если господин Винге меня извинит, я должен кое-что упаковать перед путешествием. Я показал вам след, думаю, вы его не потеряете. Он приведет вас к добыче... О, как изменилось ваше лицо! Ну нет, господин Винге, вы меня не обманете. Конечно же, вы волк, а волк всегда остается волком. Неужели я не распознаю волка? Стольких навидался... А если вы еще не волк, так скоро им будете. Бегать с волками, не зная правил стаи, невозможно. У вас и клыки есть, и волчий блеск в глазах. В один прекрасный день будете стоять над жертвой с окровавленными зубами – и тогда, прошу вас, вспомните, насколько я был прав. И может оказаться, что вы еще и пострашнее других волков. Волк из волков... С этими словами позвольте пожелать вам доброй ночи, господин Винге.

11

Кардель проснулся в холодном поту. Солома в матрасе исколола спину, а тело чесалось от укусов бесчисленных клопов. За дощатой перегородкой заплакал младенец, и тут же откликнулся его ровесник, где-то подальше, в другом конце доходного дома. Накануне он изрядно отпраздновал свое хитроумие и догадливость касательно носилок Стуббена, и теперь его мучило похмелье. Мочевой пузырь изготовился лопнуть. Он встал и обнаружил, что уснул в одежде. Ругаясь на чем свет стоит, лихорадочно расшнуровал брюки и в последнюю секунду успел к горшку.

Его заметно покачивало. Кардель открыл окно и заученным движением выплеснул содержимое горшка во двор.

Серые низкие облака, размытый, почти призрачный силуэт церкви у дворца. Можно попробовать различить циферблат на часах. Он присмотрелся: начало десятого. От глазного усилия еще сильнее разболелась голова.

Нужно срочно опохмелиться.

На общей кухне, прямо за дверью его каморки, которую он снял полгода назад, женщины варили кашу. Имен их он не помнил, но на всякий случай поздоровался, напился колодезной воды из ведра и вышел в свой Гусиный переулок. Путь известный – на Сёдермальмскую площадь, где у него пока еще был кредит. По привычке задержал дыхание, проходя мимо свалки на Зерновой площади, которую горожане называли Мушиным парламентом. В Красном шлюзе затвор открыт – пропускают небольшую шхуну в Меларен. При таком ветре – не меньше часа. Попасть на Сёдер можно только через недавно построенный временный мостик, который уже окрестили Голубым. Городское население почти им не пользовалось – он выглядел по сравнению с массивной конструкцией Полхемского шлюза таким хлипким, что доверия не вызывал. Почти все предпочитали подождать, чем рисковать жизнью на этих стрекозиных мосточках. Но не Кардель. Сам не знал, почему: то ли он храбрее других, то ли ни в грош не ценит свою жизнь.

Что-то происходит. Толпа на Сёдермальмской площади – не протолкнуться. Его проводило прочь от заветного кабачка до самого «Гамбурга». Теперь понятно – день казни. Зеваки пробиваются вперед – для них нет большего удовольствия, чем плевать на осужденного, кривляться и выкрикивать ругательства.

Скоро сюда прибудет тюремная повозка – осужденный по закону имеет право на последний в жизни стакан перегонного вина.

И Кардель не хуже, он тоже имеет право. Перехватил стаканчик в ближайшем трактире и двинулся по Йотгатан к Сканстулу, где высилась старинная крепость, а за ней – холм Хаммарбю, на вершине которого угадывались зловещие контуры виселицы на фоне свинцово-серого неба: поставленные треугольником каменные столбы, соединенные бревенчатыми перекладинами.

Стражники образовали живой забор и оттесняют дубовыми жердями толпу от помоста, где уже стоит глашатай, готовый зачитать приговор. Виселица сегодня не нужна: казнят не вора, а женоубийцу.

Телега с преступником долго не появлялась. О ее приближении известили восторженными воплями уличные мальчишки – они прыгали вокруг повозки и швыряли в преступника чем ни попадя. Молодой парень, наверное, и двадцати нет. Задушил свою нареченную: поспорили, что делать с украденной курицей. Жених хотел немедленно утолить голод, а невеста пожелала сохранить курицу ради яиц.

Повозка остановилась. Преступника провели на огражденный палисадом эшафот. Его тут же начала бить крупная дрожь, левая штанина потемнела. Зрители ликовали. Две знако-

мые Карделю проститутки выкрикивали что-то малопрстойное насчет мужских достоинств несчастного, рядом с ними гнусаво похохатывал какой-то тип со съеденным французской болезнью носом. Глашатай прочитал приговор, сошел с помоста и пошел прочь, старательно обходя грязные лужи.

Внезапно гомон смолк, и словно знобкий ветерок прошел по толпе: из будки вышел палач. Его имя знали все: Мортен Хёсс. К нему относились со смешанным чувством уважения и презрения, но в популярности ему не откажешь. Капюшон, неременный атрибут ремесла, он никогда не накидывал на голову, носил на шее. Как правило, его коллеги по профессии стараются скрыть лицо, но не Мортен. С чего бы Мортену стыдиться своего ремесла? Лицо как лицо: морщины, темные, ничего не выражающие глаза. Он и сам приговорен к смерти – спьяну раздробил челюсть собутыльнику пивной кружкой, в результате чего тот умер от заражения крови. Но, на счастье Мортена, в то время в городе не было палача, и ему предложили отсрочку, если он согласится занять должность. Так что каждый удар топора приближал его собственный конец: руки дрожали все сильнее, а сам он выходил на помост все пьянее – иной раз еле держался на ногах.

Ходили слухи, что Хёсс пытался покончить с собой трижды. Дважды пробовал утопиться в заливе, а потом решил пить как можно больше крепкого: тогда, глядишь, умрет своей смертью и избежит топора. Такой способ самоубийства принес ему дополнительную популярность: пьяный палач – чем не развлечение для черни?

Охрана расступается и пропускает палача на эшафот. Хёсс пытается отвесить публике преувеличенно глубокий поклон и чуть не падает – он опять вдребезги пьян. Энтузиазм зрителей заражает и его. *Мастер Хёсс* – черни тоже свойственна ирония; такое прозвище он получил с намеком на его пьяную неуклюжесть. Мастер Хёсс берет топор у подмастерья и крутит им в воздухе. Потом, вроде бы поскользнувшись, нелепо взмахивает руками, и обух топора хорошо если на пару дюймов минует голову одного из его помощников. Помощники переглядываются. Им вовсе не хочется стать жертвами пьяного кривлянья горе-палача.

Наконец, выкатили плаху – толстый, кое-где подгнивший пень, в трещинах и темных пятнах. Осужденного силой заставляют положить голову, подмастерье ставит ногу ему на спину, а другой приматывает к колоде правую руку. Сначала полагается отрубить кисть руки, чтобы осужденный, упаси Бог, не покинул этот мир без страданий.

Палач занимает свое место и поднимает топор.

– Отхвати ему сначала... – пользуясь внезапной тишиной, выкрикивает визгливый женский голос в задних рядах, но шутницу тут же окорачивают.

Палач с ревом опускает топор, останавливает его в футах от дергающейся руки обреченного, гордо оборачивается на толпу – дескать, поглядите, где вы еще найдете такого виртуоза, – и под одобрительное гудение толпы повторяет трюк еще два раза.

Он горд собой – настоящий артист.

Приговоренный начинает плакать. Его уже никто не держит, да он и не пытается вырваться. Тихо всхлипывает, вздрагивая всем телом.

Палач еле держится на ногах, но понимает: если не приведет приговор в исполнение, ему несдобровать. Плач осужденного переходит в вой, такой тоскливый и безнадежный, что даже возбужденная публика притихла. Все уже ждут конца. Представление окончено. Пора приступить к делу.

Подмастерье вновь наступает казнимому на спину. Хёсс, поплевав на руки, поднимает топор и с глухим выдохом опускает. Подмастерье поднимает отрубленную кисть и швыряет в толпу – есть поверье, что отрубленные на плахе пальцы приносят счастье, особенно большой

палец. Говорят, большой палец избавляет от неприятностей с правосудием, а воры, во-первых, суеверны, а во-вторых, в публичке их предостаточно. Но и другие пальцы в цене. Уличный мальчишка, которому посчастливится отстоять руку от конкурентов, сегодня же разделает ее на пальцы и продаст по одному.

Мастер Хёсс делает шаг вперед для решающего удара. Паренек на эшафоте кажется еще моложе, чем на самом деле; совсем ребенок. Он хрипит что-то, но в голосе уже нет ничего человеческого, хрип этот из другого мира. Эхо из чистилища, скрытого от глаз живущих непроницаемым занавесом вечности.

Не сразу, не сразу удастся мастеру Хёссу отделить голову от тела. Первый удар приходится по лопатке, вторым он ухитрился отрубить ухо, и уже нельзя понять, рыдает палач или смеется, когда с каждым ударом топора выкрикивает:

– Тебе в наказание, другим в назидание! Тебе в наказание, другим в назидание!

Лишь после пятого удара умолкают оба голоса – и осужденного, и палача.

Единое мнение знатоков и ценителей: никогда еще мастер Хёсс так не позорился. Мог бы и не напиваться до чертиков, хотя бы из уважения к своей работе; теперь только вопрос времени, когда найдется палач половчее и самого Хёсса поволокнут на плаху.

Подмастерья палача перевернули обезглавленный труп на спину и опустили голову: надо дать стечь крови, чтобы не запахнуть, когда они будут переносить тело в уже вырытую рядом с эшафотом могилу. Старухи, толкаясь, бросились собирать вытекающую кровь. Некоторые черпали прямо с земли из быстро растекающейся лужи. Давно известно: кровь казненного – лучшее средство от падучей.

Микель Кардель отвернулся и на холмике рядом с дорогой увидел узкий силуэт в черном одеянии. Сесил Винге. Неожиданная встреча застала его врасплох, он не сразу решил, подходить или нет. Стоял и наблюдал. Невозмутимое бледное лицо, никаких признаков, что все происходящее как-то его затронуло. Лишь подойдя поближе, он заметил, как побелели костяшки пальцев на дрожащей руке, судорожно сжимающей серебряный набалдашник трости.

Винге был настолько погружен в свои мысли, что заметил Карделя, только когда тот подошел совсем близко и встал рядом. Начал моросить дождь.

– Добрый день, Жан Мишель. Вот уже год и один день прошел, как я в последний раз видел казнь. Пришел посмотреть, как вершится правосудие. И знаете, что натолкнуло меня на эту мысль? Убийство, Жан Мишель. Убийство, которое мы с вами пытаемся разгадать. Если нам это удастся, преступника ждет именно такая участь.

– И?..

– Что значит – «и»?.. Я не вижу логики в том, что государство лишает жизни своих граждан, причем таким зверским способом. И главный мой аргумент заключается вот в чем: суд не хочет вникнуть и понять, *почему* совершено то или иное преступление. Суд интересуется только сам факт. И как мы можем рассчитывать помешать завтрашним преступлениям, если не понимаем сегодняшних? Ответ прост, Жан Мишель: эта простая мысль никогда не приходила в голову ответственным за правосудие чиновникам. Они уверены, что важно судить и наказывать, и на этом их миссия заканчивается. Многие из моих подследственных тоже закончили жизнь на виселице или на плахе. Единственное утешение: ни один... я обращаю ваше внимание, Жан Мишель: ни один из них не был посажен на повозку не выслушанным. Я прикладывал все силы, чтобы каждый мог оправдаться и, если он невиновен, доказать свою невинность в суде. Или несчастный должен хотя бы понять, в чем заключается его преступление... Знаете, Жан Мишель, я убежден: когда-нибудь настанут времена, когда не обвиняемый должен будет доказывать свою невинность, а наоборот. Суд должен доказать виновность.

– Толпу не убедишь, как ни старайтесь. Если люди перестанут бояться топора и веревки, завтра же запольхает весь Стокгольм.

Винге не стал возражать – ждал продолжения.

– Встреча с квартальным комиссаром Стуббе кое-что дала. – Кардель старался говорить как можно равнодушнее, не показывать гордости за свое открытие. – Расскажу, когда узнаю побольше, но кое-что могу сообщить уже сейчас: ищу зеленый портшез, в котором Карл Юхан совершил последнее путешествие.

Они отвернулись, чтобы не смотреть на женщин, возящихся в красной жиже. Тело казненного уже бросили в могилу. Винге медленно, опираясь на трость, пошел к Сканстулу.

Он заговорил, только когда они спустились с холма:

– Вы рассказали мне довольно подробно про короля Густава и про войну, Жан Мишель. И нельзя было не заметить вашей горечи: война и в самом деле нелепое предприятие. Вы были искренни со мной, и я хочу ответить вам тем же. Поэтому расскажу то, что мало кто знает, но тем не менее это чистая правда. Вам сказали, что я оставил жену, чтобы избавить ее от муки смотреть на мои страдания?

Кардель молча кивнул и опустил голову. Его почему-то смутила внезапная откровенность.

– По мере того как усиливался кашель, я чувствовал себя все хуже. Сильно похудел, постоянный упадок сил... у меня уже не было ничего, что я мог бы ей предложить, в том числе даже исполнение прямых супружеских обязанностей.

Хриплый, монотонный голос, без всякого чувства, точно по обязанности читает Священное Писание. Но Кардель сразу почувствовал, какой ценой дается Винге это спокойствие. Точно грозовое облако повисло в воздухе.

– Я, конечно, понимал, что происходит. Несколько лет следственной работы даром не прошли. Я научился распознавать малейшие признаки лжи. То в доме появлялись незнакомые мелочи, то она уходила навестить друзей, которых, как я потом понял, так и не навестила... Но самое главное: она выглядела счастливой. Щеки порозовели, в глазах появился блеск. В ее прекрасных глазах, в которых я раньше читал только одно: свой смертный приговор.

Винге остановился и повернулся к Карделю. Иссиня-белое, точно парализованное лицо – без малейших следов гнева или сожаления.

– Впервые за много месяцев передо мной была не убитая горем женщина, а та юная особа, в которую я когда-то влюбился без памяти, – сказал он и замолчал, словно пытался вызвать в памяти лицо молодой девушки, в те далекие времена поразившей его воображение.

– Я их застал в конце концов... – Углы губ чуть дрогнули в горькой усмешке. – На месте преступления. Не хотел заставить, а застал. Кашель мешал мне слышать стоны любовных восторгов, и наоборот: за своими стонами они не слышали мой кашель. Молодой офицер, со шпагой и аксельбантами, черными усиками и радужным будущим. Но я ее не винил. Переехал к Роселиусу и больше ее не видел.

Кардель открыл было рот, чтобы посочувствовать, но Винге предупреждающе поднял руку и некоторое время смотрел на воду залива, взъерошенную неизвестно откуда налетевшим ветром.

– Вам ничего не надо говорить, Жан Мишель. Помните, вы сами сказали при нашей первой встрече, что в соболезнованиях не нуждаетесь. Мое доверие – вовсе не приглашение к дружбе. Я рассказал вам потому, что уверен: взаимное доверие поможет делу, которым мы с вами занялись. Надо знать слабости и сильные стороны друг друга. Вот и все. Мне не нужны ни соболезнования, ни утешения. И не вздумайте считать себя моим другом, Жан Мишель. Мне слишком мало времени отпущено для дружбы, а вашей единственной наградой будет скорбь.

Они расстались у будки таможенника – Винге окликнул извозчика.

– Встретимся завтра в девять утра в «Малой Бирже». Вы сделали весьма многообещающую находку, Жан Мишель. Я имею в виду портшез. И у меня тоже есть кое-какие дела. Надежда на отмщение горькой судьбы Карла Юхана постепенно обретает форму.

12

Портшезы не просто не в моде, они почти исчезли – к этому выводу Кардель пришел через несколько часов. Он-то решил, что главное уже сделано, и найти зеленый портшез труда не составит. Так бы оно и было, если бы не одно «но»: у носильщиков портшезов не было никакой организации. Ни цеха, ни старейшин. Портшезы, которые в его детстве попадались на каждом шагу, попросту исчезли с улиц. Либо улетучились в небо, сгорев в изразцовых печах, либо куплены за бесценок какими-то оригиналами в надежде найти применение. Он видел таких чудаков: они топтались кое-где на углах, безнадежно дожидаясь седоков.

Настойчивые расспросы привели его в конюшню в Барнэнген, в предместье Катарина, но и там он ничего путного не узнал. Бородатый хозяин стойла в парике из конского волоса беспрерывно нюхал табак и смачно, с долгой прелюдией, чихал, при этом ругая на чем свет стоит все новомодные веяния, которые он не без изящества определил как «зловонный дух времени». Когда век был помоложе, сказал хозяин стойла, прокатиться на красивом портшезе, влекомом двумя крепкими парнями, считалось почетным. Еще в семидесятые годы у него было самое малое два десятка портшезов. Но сейчас и трети не осталось, а цены на услуги носильщиков упали до вовсе мизерных. Раньше у них были на заказ сшитые ливреи, теперь же обходятся двухцветными черно-белыми шарфами. «Это цвета моей конюшни, – ответил хозяин на вопрос, не известен ли ему зеленый с золотом экипаж. – Черный и белый. И портшезы такие же. Черный узор на белом фоне. Раньше каждая собака знала. А про зеленый с золотом... нет, не слыхал».

Кардель ушел из Барнэнгена, так ничего и не узнав.

Ближе к вечеру появились фонарики – кто со стремянками, кто с длинными жердями. Неспешно, один за другим, начали зажигаться уличные фонари. Повсюду чувствовался характерный запах горящего конопляного масла, хотя требования городской стражи к уличному освещению по мере удаления от Города между мостами становились заметно снисходительнее: можно было зажигать не все фонари, а через один или даже через два.

Пока Кардель добрался в богом забытый район поблизости от северной таможни на противоположном конце города, стало совсем темно. Он издали учуял гнилостный запах – вода в озере с подходящим названием *Болото* пахла отвратительно, но все же не так, как в Фатбурене. Приток, хоть и ограниченный, свежей воды и заметно бóльшие размеры позволяли озеру кое-как справляться с испражнениями и отбросами.

За Болотом уже не увидишь каменных домов – сплошные деревянные хижины и немощенные улицы. Ему сказали, что где-то здесь, в подворье около Кислого колодца, живет столяр, который все еще занимается ремонтом старых и даже изготовлением новых портшезов, несмотря на почти исчезнувший спрос.

Странно, но на улицах, несмотря на октябрьский ночной холод, попадаются люди. На крыльце одного из домишек сидит какой-то человек, а неподалеку еще один. Здоровенный, переминается с ноги на ногу, не может решить, на какую удобнее опираться. Будто ему кто-то запретил стоять сразу на обеих.

Тот, что сидел на ступеньках, так же широк в спине, как и Кардель, но потяжелее, с выпирающим пузом, испытывающим на прочность пуговицы на рубахе. Телосложение, сочетающее два противоположных свойства: грубую силу и лень. Круглая голова на такой короткой и толстой шее, что кажется посаженной прямо на плечи. Широкий рот с толстыми губами. Немного косоглазый. Жует табак и время от времени сплевывает в одну и ту же точку у крыльца. Ни разу не промахнулся. После очередного плевок он посмотрел на Карделя и помахал рукой.

Кардель ответил полупоклоном:

– Меня зовут Микель Кардель. Прошу прощения, что явился в такой поздний час. Я ищу столяра, мастера Фрийса.

– И вы его нашли. Это мое имя, и ничье больше. Садитесь, приятель. Угощайтесь. – Толстяк протянул кисет.

Кардель угощение принял, но остался стоять, время от времени переводя взгляд на фигуру у стены. Теперь видно получше. Настоящий гигант. Совсем молодой, но рядом с ним и столяр, и сам Кардель должны казаться гномами. К тому же, похоже, придурковат. Из скошенного рта стекает на подбородок поблескивающий ручеек слюны. Глаза, как у коровы, красивые и ничего не выражающие. Напоминает корову еще и потому, что на нем ошейник, другой конец которого привязан к перилам крыльца.

– Чем объяснить, что господин столяр в такую холодную ночь устроился на крыльце? – вежливо спросил Кардель.

– А разве вечерний воздух не бальзам для души? – ответил тот с плутовской усмешкой. При этом табачная слюна скопилась в уголках рта, да так там и осталась, когда он перестал улыбаться. – А вот что заставило вас в такой вечер переться сюда, аж за Болото, чтобы найти меня, мастера-столяра Питера де Фрийса?

– Я ищу портшез. Зеленый портшез со сломанной жердью. Уличный мальчишка видел, как его к вам несли. Недавно, дня четыре назад.

У толстяка на лбу появилась морщинка припоминания.

– О нет, уважаемый, ничего такого... Жалость-то какая... плелись сюда в такой холодный вечер, и в награду всего-то щепотка табака. Может, его к какому другому плотнику отнесли по соседству?

Кардель задумчиво кивнул:

– Никаких других плотников и столяров по соседству нет. К тому же ходят слухи, что столяр де Фрийс настоящий волшебник, но вот одна беда – понять его трудно. Он, говорят, приехал из Роттердама и не говорит по-шведски. И поэтому, не будь он таким искусным мастером, у него вообще бы не было заказов. А вы неплохо говорите по-шведски... не скажешь, что язык не родной.

Толстяк коротко хохотнул, тяжело встал, с хрустом потянулся и почистил брюки.

– Вот оно что... Ну что ж... Йонс Кулинг, то есть я, мастер не хуже, даже если его поймали на вранье.

– А это кто? – кивнул Кардель в сторону молодого гиганта, по-прежнему погруженного в таинственный мир лишнего рассудка человека.

– Мой брат Монс. Монс Кулинг. Ты, Кардель, наверняка заметил, что Монс немного не в себе. – Йонс Кулинг внезапно перешел на «ты», в голосе послышались доверительные интонации. – Но, понимаешь ли, наши родители не из большого города, как ты, к примеру. Маленькая деревня, где найти невесту? У отца женилка выросла, а вставить некому. Вот и женился на собственной сестре. Законы Господни нельзя нарушать безнаказанно, и наказание получило имя Монс. Он убил свою мать при родах: слишком уж был велик, акушерка глаза вытаращила – никогда, говорит, таких не видывала. Конечно, умником его не назовешь, но, если надо нести портшез, да еще с заду, где потяжелее, да еще несколько часов подряд, да еще не нить при этом, – тогда Монс именно тот человек.

– А ты, значит, спереди? Угадал?

– Кардель как по книге читает. Поменялись бы – и мы и пассажир в канаве. Вот, значит, и сидим. Ждем у моря погоды. Мастер велел идти по домам и приходить завтра с утра пораньше, но мы побоялись оставить носилки без охраны. Дорогая штука. Тем более он намекал: дескать, мы в последнее время не больно-то бойко работаем, а если кто придет и начнет расспрашивать про зеленый портшез, то нам и вовсе плохо придется. Если, конечно, сами на месте не решим задачу, Кардель думаю, понимает. И вот мы здесь: ты, я и Монс.

Он развязал веревку, вернее, поводок, привязанный к ошейнику Монса. Покрутил шеей, разминая одеревеневшие мышцы, и двинулся к Карделю, подняв пудовые кулаки. Годы беготни с тяжеленными носилками даром не прошли.

– Не стоило приходить вынюхивать, здесь тебе и конец. Иди-ка сюда, потанцуем. Поглядим, что ты можешь предложить.

Кардель отступил влево, чтобы видеть противника и не терять из виду Монса. Слабоумный гигант каким-то образом почувствовал изменения в настроении и начал прыгать на месте, выкрикивая непонятные слова. Его огромный мужской орган на глазах набух и теперь выпирал под штаниной, будто туда засунули всю руку. Увернувшись от атаки, Кардель нанес удар. Деревянный кулак въехал в правый бок Йонса Кулинга и заставил согнуться пополам. Grimаса удивления сменилась смехом, когда Йонс пощупал рукой под рубахой и увидел кровь.

– Черт бы тебя подрал, Кардель! Бок горит, как дно у чайника. Вот это кулачище!

– Обычная деревяшка, ничего особенного.

– Ай-яй-яй, Кардель... ты дерешься нечестно. Уж если махать кулаками, то по справедливости. Монс!

Гигант словно ждал команды. Он сорвался с места, бросился на Карделя и застал его врасплох. Микель не успел увернуться и упал под тяжестью огромного тела. Монс оседлал его и начал молотить кулаками. Хрустнул нос, лопнула бровь, кровь залила лицо. Подскочил Йонс и начал срывать удерживающие протез ремни. Деревянная рука выскользнула из рукава. Теперь он беззащитен. Кое-как уворачиваясь от ударов, он увидел, как Йонс нагнулся и прошептал что-то в ухо брату. Тот, как по команде, остановился.

– Хватит, хватит... хватит, малыш. Пусть господин Кардель поднимется и покажет, на что он способен без дубинки в запасе.

Кардель выплюнул кровь, проморгался и увидел, что Йонс Кулинг стоит над ним и издевательски ухмыляется. Отшвырнул протез к стене дома и плюнул на Карделя. Его брат возбужденно выкрикивал что-то нечленораздельное и облизывал окровавленные кулаки.

Высоко в ночном небе созвездия пустились в медленный хоровод. Кардель увидел, как пузырится кровь на губах Юхана Йельма, услышал хриплый монотонный голос Сесиля Винге и глухую канонаду вдали, увидел жуткую беззубую улыбку на полуразложившихся губах Карла Юхана, колеблющееся пламя фонаря...

Он почувствовал, как наливается ненавистью и яростью его отрезанная рука, как дергает ее непонятная и требовательная боль.

Он встал.

– Ну что ж, сучье дерьмо, посмотрим...

13

Кондитерская Густава Адольфа Сундберга переехала на Железную площадь совсем недавно, но уже получила название «Малая Биржа». Сюда любили заходить буржуа с Корабельной набережной. Кое-кто пьет горячий шоколад из графинов, но большинство, как и Сесил Винге, предпочитают горький арабский кофе. Чашка за чашкой, тем более ходят слухи, что власти собираются вовсе запретить напиток. Кофе, считают власти, благоприятствует вольнодумству, фрондерству и наводит на мысли о терроре.

Но пока запрета не последовало, и сплетни цветут пышным цветом. Странное поведение пятнадцатилетнего принца Густава, потом у всех на слуху герцог Карл, по уши влюбившийся во фрейлину двора девицу Руденшёльд, а ее сердце между тем отдано предателю Армфельдту. Литератор Тумас Турильд, говорят, провозгласил в Любеке, что изгнание принесло ему бессмертие, которое могло бы осенить его и раньше, но язык его не имел необходимой свободы, потому что был занят вылизыванием государственно важной дырочки между ягодиц барона Ройтерхольма.

Винге постановил дожидаться Карделя не более часа. Но прошло уже полтора, его карманные часы показывали половину одиннадцатого, а Карделя все не было.

Винге прошел по кишашей уличными торговцами Вестерлонггатан до Гусиного переулка. Сапожник на углу усердно прилаживал новые подметки к кавалерийским сапогам.

– Этот безрукий пальт? Как же, как же... Снимает каморку у вдовы Пильман.

В подъезде носилась стайка детей. Изразцовые печи в доме еще не установлены, у камина на втором этаже желтушная девочка подбрасывала дрова. Она, оказывается, уже несколько дней никуда не выходит из-за лихорадки. Кардель, сказала она, ушел из дома вчера утром и больше не возвращался.

Винге, так ничего и не узнав, начал спускаться по лестнице.

– Если он не вернется и не заплатит за квартиру, фру Пильман его вышвырнет! – крикнула девочка вслед.

Он пошел к Большой площади. Выбрал путь подлиннее, чтобы поразмышлять. Без Карделя его возможности сильно ограничены. В задумчивости остановился у колодца. Дети и служанки, толкаясь, набирали воду в кувшины и ведра.

Постоял немного и двинулся к Дворцовому взвозу, к дому Индебету.

День уже начал клониться к вечеру, и в коридоре перед кабинетом полицеймейстера тени становились все длиннее и длиннее. По длине тени тоже можно вычислить время, ни с того ни с сего подумал Винге, только надо вносить много поправок. Встреча с газетчиками прошла бурно, и он даже через дверь чувствовал, что Норлин вне себя. Когда встреча закончилась, Норлин попросил Винге выйти вместе со всеми и звать обратно не спешил – должно быть, приходил в себя. Наконец из кабинета послышался голос. Дежурный полицейский с поклоном открыл дверь:

– Прошу вас.

Норлин сидел за столом, заваленным бумагами, поверх бумаг лежал его парик. Юхан Густав расстегнул две верхние пуговицы и положил руку на шею, точно ему было трудно дышать. Потер покрасневшие глаза.

– Мы недавно встречались... Ты же помнишь мои условия, Сесил? Как можно меньше шума вокруг этого дела? А что делаешь ты?! Врываешься с постыдными картинками на куске

ткани! Неужели ты не видел, как этот сплетник Барфуд сидел в углу и строчил своим графитовым стерженьком.

– Я не просто его видел. Я его сам привел. Он спал с похмелья, но я его разбудил. Пообещал интересную историю для завтрашнего номера «Экстра Постен». Холмберг, издатель, будет в восторге.

Норлин спрятал лицо в ладони.

– В промежутках между длиннющими библейскими цитатами Барфуд строчит все что ему вздумается! А Холмберг печатает это в своей говновозке, которую кто-то по ошибке назвал газетой. Зачем ты это сделал, Сесил?

– Моего помощника, пальта по имени Кардель, по-видимому, вышибли из игры. Инстинкт подсказывает мне, что его убрали именно потому, что он слишком близко подошел к разгадке. Вывод: все мои надежды на этот кусок ткани. Дорогой сатин, наверняка принадлежал человеку состоятельному. Тот, кто раньше видел этот смелый мм... орнамент, вряд ли усомнится, если прочтет описание в газете. Как могут развиваться события далее? Если кто-то из влиятельных персон пожелает замолчать эту историю, обязательно обратится к тебе и потребует мою голову на блюде. А может быть, и твою. А ты, Юхан Густав, сообщишь мне имя этой влиятельной персоны.

– Ройтерхольм читает «Экстра Постен», как и все подобные листки. И он расценит это как еще одно доказательство, что я предпочитаю заниматься чем-то еще, кроме его прямых поручений. Он уже давно ищет повод, чтобы меня вышибить, – вот ты ему этот повод и дал. Ты подписал мой смертный приговор, Сесил.

– Если вспомнить, чего тебе стоил последний год... Думаю, все, что может сократить твое пребывание на этом посту, пойдет на пользу.

– Иди ты подальше, Сесил Винге... Мне надо было трижды подумать, прежде чем просить тебя заняться этим делом. Ты же готов пожертвовать всем и всеми ради своих высоких идеалов.

Запавшие глаза Винге блеснули.

– Верно, это ты просил меня помочь. И ты прав: тебе надо было три раза подумать. Может, даже не три, а тридцать три. Ты знал, с кем имеешь дело. И должен сказать, что поначалу взялся за эту историю исключительно из дружеской лояльности. Но теперь центр моей лояльности сместился. Теперь я лоялен убитому. Несколько дней назад я осматривал труп в крипте на кладбище. Позволь мне описать... Ты же не имел возможности его увидеть. Конечно отрублены, но не сразу, а по одной, и только после того, как более или менее зажила предыдущая. Они выжидали, чтобы рана закрылась, чтобы он был в состоянии перенести следующую пытку. Его держали где-то взаперти, привязанным к кушетке. Он пытался звать на помощь, но не мог, потому что они отрезали ему язык. Он хотел покончить жизнь самоубийством, но у него не было возможности даже перегрызть себе артерию: они выбили ему зубы и отрезали язык. И выкололи глаза. Представь себе эту картину, Юхан Густав. Беспомощность, одиночество и смертная тоска... ожидание, когда явятся твои мучители, чтобы отпилить очередную руку или ногу. Твердое сознание, что они обязательно явятся. Я найду тех, кто это сделал. И узнаю, почему. И ты дашь мне имя того, кто попытается заткнуть нам рот. Ты дашь мне это имя, как только его узнаешь. Ты будешь мне помогать, а не ныть про происки барона и свой собственный смертный приговор, который якобы подписал я. Ты называешь это смертью? Ты называешь смертью, что тебя вышибут с должности, которой ты сам тяготишься, если верить твоим же словам? И ты говоришь про смерть в моем присутствии... Тебе должно быть стыдно, Юхан.

Норлин потупил глаза. Он никогда не видел обычно невозмутимого Винге в такой ярости. Гнев ушел, его место занял стыд. Он вдруг мучительно захотел увидеть жену и дочь, услышать

их смех. А перед ним сидел умирающий человек, только глаза горели ярко и гневно на бледном, изможденном лице.

– Утром я получил новости из Парижа, – тихо сказал Норлин. – Мои источники сообщают, что якобинцы собираются судить вдовствующую королеву революционным трибуналом. Ты не хуже меня понимаешь, чем это кончится. Мария Антуанетта останется без головы, как и ее муж. И тело бросят в могилу для бедных, поверх тысяч, которые стояли в очереди к гильотине раньше нее. Темные времена, Сесил.

– Юхан... Ты же сам сказал как-то: наше дело – восстанавливать справедливость. Это то, ради чего мы живем.

– Ты прав, Сесил... ты, как всегда, прав. Не спорьте с Сесилом Винге – он всегда прав. Так говорили и в университете, и в суде. Пусть будет по-твоему. Напишу Ройтерхольму льстивое письмо, может, удастся выиграть немного времени. Попробую предотвратить грозу. Предполагаю, что с ним будет, когда он прочтет этот поганый листок!

– Сердечно благодарен, Юхан Густав. – Винге поклонился. – Сердечно благодарен.

14

Секретарь полицейского управления Исаак Райнхольд Блум терпеть не мог кварталы, лежащие вне Стадсхольмена. Он не считал их за город, а Ладугордсландет¹⁸ – хуже всех. Мелкий, непрекращающийся дождь превратил улицы в болото. Бродяги, обитатели богаделен, попрошайки, съжившись от холода, спешат по улицам в надежде найти убежище до того, как с приближением зимы старуха-смерть начнет собирать свои урожаи.

Надо быть умнее – зачем он поперся в Спенскую усадьбу? С каждым шагом, с каждым смачным всхлипом воды в башмаках Блум выискивал все новые причины проклинать свою судьбу. Уже семь лет работает он в управлении полиции, но жалование остается прежним: сто двадцать риксдалеров в год.

И ради этого он оставил службу нотариуса! Оставил, чтобы заменить старика Халквиста на посту секретаря управления. Можно было надеяться на быструю карьеру и хорошее жалование, но вышло наоборот. Работы прибавляется с каждым годом, жалование остается прежним, а жизнь дорожает.

Блум услышал кашель издали, и это его успокоило: кое-кому еще хуже. Сесила Винге с его-то способностями ждало блестящее будущее, а сейчас... если доживет до Рождества, пусть считает, что повезло.

Как только Блум постучал в дверь, кашель мгновенно прекратился. Винге открыл дверь – спокоен и невозмутим, но в кармане жилета Блум заметил платок с пятнами крови. Какое же самообладание надо иметь, удивился и восхитился Блум.

– Меня послал Норлин, – начал он без обычных фигур вежливости. – Жалобы, которые вы предвидели, не заставили себя ждать.

Блум присел на табуретку и вытянул ноги к камину – уже через несколько секунд от сапог пошел пар. Винге подавил приступ кашля – было заметно, чего ему это стоило, – и открыл конверт с уже взломанной сургучной печатью. В конверте лежало три письма.

– Скорее всего, написано по свежим следам, как только прочли «Экстра Постен». Все об одном и том же, но причины протеста разные. Сверху – записка заоблачно богатого купца: беспокоится, не упадут ли цены на хлопок, и предсказывает финансовые бури. Граф Энекруна из коммерческой коллегии призывает подумать о риске морального упадка в народе. И последнее, но от того не менее важное, – письмо Йиллиса Тоссе. Он уверен, что вы с вашими скандальными разоблачениями намеренно раздуваете якобинские настроения.

Винге поочередно грел у камина мерзнувшие руки.

– Я знаю Тоссе. Разве вы его не помните? Он учился в Упсальском университете, как вы и я.

– Фамилия знакомая.

– Лентяй и тупица, но с богатой родней, так что мог купить хорошую должность. Помню, как он смотрел на нас свысока: считал, наверное, что мы выслуживаемся, стараемся компенсировать то, что ему дано с колыбели: богатое наследство. А скажите, Блум, объяснил ли полицеймейстер Норлин, почему он решил послать вас с этими письмами в такую мерзкую погоду?

– Нет, не сказал. А если бы и сказал, то мог бы и не говорить. Я же не глупец, Винге. Я писал протокол, когда вы показывали свой гобелен. Это раз. А во-вторых, я читал «Экстра Постен». Вы надеетесь, что у кого-то из возмущившихся есть и другие причины замять эту историю. Рассчитываете нащупать связь с утопленником в Фатбурене.

¹⁸ *Ладугордсландет* («Земля хлебов») – так назывался в XVIII веке район Стокгольма к северу от Стадсгордена, острова, с которого начинался Стокгольм и где помещались королевский дворец и большинство учреждений власти. Получил свое название от построенных здесь королевских хлебов. В настоящее время район называется Эстермальм, один из элитных в городе.

Винге сжал губы в бледную нитку, закрыл глаза и потер лоб.

– Да, так и есть, – сказал он, – вы правы. Я надеялся, что какое-то из имен прояснит картину, но... я не вижу, что этих людей может объединять, кроме денег.

Блум хитро улыбнулся:

– А я вижу, Винге. Но, как вы понимаете, в этом мире ничто даром не дается. Так что...

– Все, что в моей власти, Блум.

– Не очень-то вежливо... Но, Винге, у меня к вам огромная просьба. Обещайте, что, как только ваше здоровье окончательно переменится к худшему, дадите мне знать первому. В управлении все заключают пари – сколько вам осталось. Сумма на кону втрое превышает мое годовое жалованье...

– Если вы дадите важную информацию, не вижу причин, чтобы кому-то не заработать на моей смерти, ибо я все равно умру. Немедленно пошлю к вам курьера, как только осознаю первые признаки смертельной лихорадки.

У Блума даже зашевелилось в животе, когда он представил сумму пари. Наконец-то он сможет завершить давно задуманную и даже начатую рукопись «Необходимость религии для сохранения общественного спокойствия». Наконец-то он сможет работать над ней не в своей холодной камере, а в любимом трактирчике «Уголок Класа», над дымящейся, только что принесенной с кухни тарелкой: салака горячего копчения, седло барашка, овощное рагу...

– Спасибо, – искренне поблагодарил Блум. – А теперь скажите, Винге, вы когда-нибудь слышали про общество под названием «Эвмениды»?

– Разве что краем уха. Одно из множества тайных обществ. Если не ошибаюсь, члены его занимаются благотворительностью, заботятся о сиротах, помогают домам призрения для несостоятельных граждан.

– Совершенно верно. Эвмениды известны своей щедростью. Членом общества можно стать только обладая определенным состоянием. Вы, возможно, знаете, Винге, я пишу стихи. Когда-то я был знаком с Кленсом фон дер Эккеном, наследником известного торгового дома. Он любил поэзию и довольно щедро платил за декламацию. Фон Эккен состоял в обществе эвменид. Но дела у него шли все хуже и хуже, и, когда он решил хотя бы временно отказаться от благотворительности, чтобы поправить финансовое положение, братья по обществу его просто-напросто раздавили. Если ты член общества, должен выполнять свои обязательства без всяких отговорок. Банки потребовали немедленной оплаты кредитов, а новых никто не давал. Короче, в один прекрасный день ко мне постучался нищий и начал ныть, что он якобы не платил мне за декламацию, а давал займы. Эккен, как вы, разумеется, догадались. И мне стало интересно – что это за эвмениды? И как-то мне попался на глаза список этих... эвменид. У меня память, Винге, не хуже вашей. Поэтому с полной уверенностью могу сообщить: все три имени в том списке были. Все они, все, кто протестует против огласки, – члены тайного общества «Эвмениды».

Винге несколько раз постучал носком ботинка по полу.

– Ваша история, Блум, не так удивительна, как может показаться. Вы ведь знаете, откуда происходит название?

– Эвмениды? Нет.

– У меня был информатор, одержимый греческой классикой. Он, к слову, усовершенствовал метод изготовления плетеной мебели. Мне стало интересно, и я немало часов провел за чтением Эсхила. В переводе на наш язык «эвмениды» означает благосклонные, доброжелательные... что-то в этом роде. В трагедии Эсхила так называют эриний, богинь мщения. Не хотят произносить настоящее имя, прибегают к эвфемизму, чтобы не возбуждать их гнев. Помните? Эринии... вместо волос ядовитые змеи, и плачут они кровью. Другое название – фурии. Но, конечно, эвмениды звучит куда приятнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.